

А. НОВИКОВ

*Рассказы
и
повести*

Александр Новиков

Рассказы и повести

«Издательские решения»

Новиков А.

Рассказы и повести / А. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904023-7

Эта книга строго противопоказана тем, для кого самый страшный мат — «fuck you». Ни в коем случае её нельзя читать и тем, кто считает, что можно «любовью заниматься». Пусть проходят мимо те, кто уверен, что кровь похожа на вишнёвый компот, а в войне можно «засэйвиться» и включить «режим бога». Эта книга точно не для этих людей. Остальных милости прошу. Уж не обессудьте за частый мат. Но «из сказки слов не выкинешь».

ISBN 978-5-44-904023-7

© Новиков А.

© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Две медали	6
Мама	10
Старший брат	14
Рысь	16
Осенний день	18
Овринг	20
Душная ночь в Аддис-Абебе	22
Снимок	27
Шайтан и Калуга	29
Тайга	31
Волки	35
Сейсморазведка	39
Ми-8	43
Телефонный разговор	45
Каждому своё	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Рассказы и повести

Александр Новиков

© Александр Новиков, 2018

ISBN 978-5-4490-4023-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга НЕ рекомендуется к прочтению.

В ней содержится ненормативная лексика (русский мат).

В ней часты сцены распития алкогольных напитков.

Многие персонажи курят табак.

В этой книге много сцен насилия и жестокости.

В этой книге Добро не всегда побеждает Зло.

А если и побеждает, то непонятно кому от этого лучше.

В этой книге нет секса. В ней есть куда хуже.

В ней есть ЛЮБОВЬ. Понятие ныне забытое, немодное, практически запрещённое.

Ни в коем случае не читайте эту книгу.

Ну а если всё же прочли...

Автор не несёт ответственности за вашу нервную систему.

Рассказы

Две медали

В печке потрескивали дрова, от уютного бока русской печи шло ровное, приятное тепло. Митька валялся на лежанке, уперев ноги в щит печи. Весь день он возился на улице, копая в огороде окопы в снегу. Ещё в войну играл. Сам за «наших» разумеется, а фашистами выступали кусты, торчащие из-под снега. Изредка пролетали вороны, Митька валился на спину, и пытался подбить «фашистские юнкерсы» из своего «дегтяря». Пулемёт папка Митьке сделал. Как настоящий! Даже с диском сверху. И он же Митьке объяснил, что он не просто «ручной пулемёт» называется, а Ручной Пулемёт Дегтярёва. Если коротко, то РПД или «дегтярь». Митькин папа знает. Он воевал в войну, и без ноги из-за неё остался. Митька этого не помнит конечно, он поздний ребёнок. «Поскрёбыш», так иногда его папа и мама называют.

Митька выглянул из-за печи, посмотреть чем родители занимаются. Мама пряла пряжу. Опять носки вязать будет. Митька от неё уже получил сегодня по шее, за очередные порванные носки. Чё ж теперь? Не сидеть же сиднем? Папка подшивал валенки. Самое интересное, Митька пропустил. Это когда папа дратву сучит из ниток. По полу катушки скачут, за ними Мурка гоняется, а за Муркой – Митька. Весело! Пока маме не надоедает тарарам. Тогда Мурка получает веником, и прячется под койку, а Митька получает по шее, и прячется на печку. Зато сейчас можно пристать к папе, чтоб про войну рассказал. Он не любит почему-то про неё вспоминать. Но Митька знает как папу разговорить. Он коробку с папиными медалями притаскивал, и расспрашивал его какая за что. Папа начинал рассказывать, а мама тяжело вздохнув, шла в кладовку и приносила папе чекушку. Тот, поблагодарив мать за «наркомовские», долго-долго рассказывал Митьке и про фронт, и про довоенное житьё-бытьё. Под эти рассказы Митька и засыпал, а отец до самого утра сидел на сапожном стульчике смоля «Беломор» и думая о чём-то своём. Но такая хитрость получалась, только если назавтра был выходной. А в остальные дни, папа лишь отшучивался, и отправлял Митьку играть с «цацками», как он медали называл.

Митька нахмурил белобрысые бровёнки, пытаясь вспомнить какой сегодня день. Не получилось. Опять выглянул из-за печки, и тихонько позвал мать:

- Мама. Мам. – Матушка оторвалась от прялки:
- Отогрелся, пострелёныш? Есть будешь? Давай щей налью?
- Не. Не хочу, мам.
- А чего не ложится? Спать скоро уже.
- Мам. А вы с папой на работу завтра?
- Суббота сегодня. Завтра выходной.

Митька шмыгнул обратно за печку. Поворошился там немного, и потихоньку слез с лежанки. Подошёл к отцу:

– Пап, а можно я твои медали посмотрю? – Отец усмехнулся – Так они уже твои стали. Ты же их к себе в шкаф припрятал. Бери конечно.

Митька залез в шкаф, вытащил оттуда коробку с медалями. Красивые они. Ленточки разноцветные, сами медали золотые. Правда папа объяснял Митьке, что не золотые, а латунные. Но всё равно красивые! Больше всего Митьке нравилась медаль «За взятие Будапешта». Подтащил коробку ближе к отцу. Погремел для виду медалями. Вытащил неприметную медаль, которая ценнее всего для отца была:

– Пап, а этот орден тебе за что дали? – Отец с матерью переглянулись и заулыбались. Все Митькины хитрости и подходы, им давно были известны.

– Сынок, ты про эти цапки, уже лучше меня знаешь. Не орден это, а медаль «За отвагу». За танк сожженный мне её дали. А потом отняли. А потом снова вернули.

Для Митьки это уже было новым сюжетом. Глазёнки его засверкали:

– А почему отняли??? А почему вернули??? – Тут вмешалась мать:

– Отец, может не надо про это? Мал ещё. Ляпнет где ни то, по недомыслию.

– А чего же? Ничего эдакого здесь нет. В штрафбате, я кровью всё смыл, и цапки мне не за просто так вернули. Да и не поймёт он, глупой ещё.

– Ну смотри, коли так. К соседке сходить? Занять четвертинку?

– А чего же и нет? С устатку, да в субботу. Сам Бог велел. Ну а я пока на стол соберу, ужинать сядем.

Когда мама вернулась, отец уже накрыл на стол. Митька, за день нагулявший аппетит, усердно работал ложкой. К отцу не приставал, знал что за болтовню за столом, и ложкой в лоб схлопотать можно. Отец откупорил бутылку, налил рюмку.

– Ну, спасибо мать, за наркомовские.

Выпив рюмку, принялся за щи. Неспешно поел, налил густого, почти чёрного чая себе в кружку, и пожиже в кружку Митьке. Перешли на отцово рабочее место. Отец сел на свой стульчик и поставил на табуретку перед собой, обе кружки. Митька приволок подушку, и устроился напротив отца.

– Ну что, Митрий. Теперь и погутарить можно. Про медальку отважную, я тебе много разов рассказывал. А вот как у меня её отобрали, недосуг было. В 43 году в госпиталь я попал, в наступлении пулю схлопотал в живот. Подвезло мне тогда, кишки пустые были, и обошлось без воспалений и прочей катавасии. Однако почти месяц провалялся в госпитале. После поправки, отправили меня на формировку, а не в свою часть. На формировке сколотили из нас маршевые роты, и отправили в сторону фронта. В роте сплошь необстрелянные пацаны были, я один среди них как орёл. И пороху нюхнул, и медальку получил. А пацаны те из центральной России были, тощие, голодные все. Тогда по всей России голодали, однако в Сибири, да на Урале, хоть какой-то приварок был. А эти... ну чисто курята.

Отец прервался, сходил принёс непечатую пачку «Беломора», и налил ещё рюмку. Вернувшись на место, не спеша распечатал пачку, вынул папиросу, закурил и продолжил:

– Ну вот. А ротным к нам сунули вертухая бывшего. Был он капитаном в лагере где-то, но проштрафился. Его до старлея понизили, и на фронт отправили нами командовать. Ряха у того старлея была, с лошадиный круп размером. И наглая к тому ж. Нас не сразу на передовую отправили, поначалу во втором эшелоне продержали. И начал наш командир, харчи у мальчишек отбирать. Меня он замать остерегался, а у мальцов по-наглянке сухпай отбирал и на вещи выменивал.

Отец вновь прервался, и извиняющимся взглядом посмотрел на мать. Та, уже убрав со стола, сидела подперев щеку ладошкой, и в ответ на отцовский взгляд, глубоко вздохнула. Отец затанулся, и продолжил:

– Зацепился я с ним. Я его совестить, а он мне в морду. Ну и я ему в ответ. Тот пистолет из кобуры лапать, а я ему финку в жирную ляжку всадил. Неглубоко, так, напугать чтоб. Ну он драпанул, и вернулся с особистом и конвоем. – Отец опять затанулся, продолжил задумчиво: – Я уж думал хана мне. По военному времени, нападение на командира, всяко к стенке без суда и следствия. Но повезло. Фронт в наступление пошёл, меня быстренько в штрафбат определили. Вот тогда, «отважную цапку» у меня и отобрали. – Отец помял в пальцах папиросу, и неожиданно рассмеялся. – Когда меня на место привезли, через три дня и моего толстомордого командира роты туда приконвоировали. Эта паскуда, в царапину от моей финки, дрянь какую-то втёр, чтоб нога опухла и на передовую не попасть. Ну а в госпитале хирург это просёк, и сдал его. Видать тоже вертухаев не любил. Вскорости и мы в наступление пошли. По минному полю, на вражьи ДОТы. И опять мне свезло. В атаку, мы рядом с бывшим ротным

бежали, он на мину наскочил. Его в клочья порвало, а мне только ногу осколками наспиговало. Но я ещё и до ДОТа дополз, а там не помню уже, в санбате очухался. Там мне и вернули «Медаль за отвагу».

Митьку сморило уже, мать с отцом, увидев это поулыбались, отец поднял сынишку на руки, понёс его к печке приговаривая:

– Сморило бойца, однако. Спи Митянька, а через недельку ишшо побалакаем, ежели охота у тебя будет.

Прошло пятнадцать лет. Дмитрий приехал домой на побывку, после госпиталя. Телеграммы не давал, только по пути домой зашёл к сестре, и после радостных слёз, попросил её вперёд пойти, маму подготовить. Матушка ревела, прижав к груди своего поскрёбышка, отец стоял в стороне, негромко кряхтя, и утирая украдкой слезу. Слегка успокоившись, женщины кинулись собирать на стол. Отец с сыном вышли во двор, покурить. Отец вынул пачку «Беломора» из кармана, протянул сыну, тот засмеялся:

– Не бать, я свои. Привык к «Приме». Уши-то не будешь грозиться поотрывать?

– Ну дык. Теперя тебе не больно и погрозишь. Вона какой важный стал, офицер однако.

Митька опять рассмеялся:

– Да какой офицер, бать! Прапорщик всего лишь! Я не писал вам, недавно рапорт подал я на сверхсрочную, ну а так как должность уже прапора занимал, мне звёздочки сразу и присвоили.

Отец, нахмутив кустистые брови, хмуро зыркнул на палочку в руке сына

– А ентот костыль, приложением бесплатным, к звёздочкам? – Митька слегка посерьёзнев, ответил:

– Нормально всё, пап. Под Газни пару осколков словил, но кости целы, а мясо нарастает уже. – Вновь белозубо рассмеялся: – На роду у нас с тобой видать, с тросточками да костылями ходить! Только вишь, ты в правую осколки собирал, а мне в левую угораздило! – Отец всё такой же нахмуренный, задумчиво проговорил

– Газни. Не слышал про такой город в Казахстане, и из миномётов казахи вроде не садят. В Афганистан занесло?! Пошто не писал, засранец?!

– Бать. А что писать-то было? Вас с мамой расстраивать? А сейчас можно уже.

– Отец уже успокоившись, кивнул на грудь сына:

– И цацку заслужил каку-то?

– Это гвардейка, пап. Хотя... Цацка тоже имеется. Я постеснялся её перед тобой одевать.

Отец забурчал недовольно:

– Постеснялся он! Чай не за то, что курей щупал, наградили! Одевай! Мамку порадуй! А кака медалька-то? Не отважная тож? Аль повыше кака?

– Ну пап! Выше твоей, трудно заслужить! Ты её в настоящей войне получил! – Митька говорил, вынимая из внутреннего кармана кителя орден «Красной Звезды», аккуратно завернутый в носовой платок. – А я так, басмачей отлавливал.

Прошло ещё два года. Дмитрий вновь возвращался домой. Поседевший, с загрубевшим под чужим солнцем лицом. В поношенной песчанке с погонами рядового и в панаме. На этот раз насовсем. После бурной встречи, опять вышел во двор с отцом. Не дождавшись, пока сын заговорит первым, заговорил отец:

– Мить, что приключилось-то? Погоны опять без звёздочек, и цацки нету?

Дмитрий помолчал несколько секунд, жадно затягиваясь сигаретой. Внезапно весело засмеялся:

– Судьбы у нас с тобой бать, такие видимо. Получать цацки, потом терять их. Но ты смог вернуть свою, а мне уже не судьба.

Отец покряхтел, потом спросил:

– За дело, сынок?

– За дело, бать. За дело. Не жалею ни о чём.

Вновь наступила зима. На улице стояли лютые, уральские морозы. А в избе, как и много лет назад, трещали в топке поленья, и добротная русская печь одаривала всех своим ровным, ласковым теплом. Матушка всё также сидела за своей неизменной прялкой, а отец вполголоса чертыхаясь, перебирал какую-то запчасть к своему «Запорожцу». Дмитрий, в своём углу, чинил радиоприёмник. Отец вдруг бросил отвёртку, яростно заругавшись:

– Да растудыть твою в качель!!! Митрий, бросай тоже валандаться, пойдём покурим!

Дмитрий отложил тестер, пошёл к печке. Следом, обтерев руки тряпицей, подошёл отец. Отстегнул костыль, положив перед топкой, сел на него. Дмитрий уселся рядом на корточки.

– Мить, как ты так сидеть можешь? Не затекают ноги-то?

– Привычка пап. Оттуда. Утром-ночью там камни холодные, застудиться можно. А днём-вечером раскалённые. Постоянно что-то подкладывать, это мучительно. Вот и привык так сидеть. – Дмитрий рассмеялся. – На работе мужики заметили тоже, так сижавые за своего приняла. Оказывается эки, у кого большие срока, тоже так сидят.

Мужики закурили. Примолкли, смотря на пламя бьющееся в топке печи. Взгляды обоих затуманились, словно рассматривая своё прошлое, в жарких языках огня. Каждый видел своё. Отец видел отсветы чадающего пламени горящего немецкого танка. А сыну мерещились пылающие наливняки, на перевале Саланг...

Мама

Митька проснулся, повозился на печи, прислушался. В доме стояла тишина, только громко тикали настенные часы.

– Эх! Опять проспал, не проводил на работу папу с мамой, – подумал он.

В избе было ещё темно, серые предрассветные сумерки еле пробивались сквозь окна покрытые изморозью. Он сполз с лежанки, протопал к выключателю. Тот был высоко, но мама перед уходом, обязательно ставила под него стул, чтоб Митька мог включить свет. После щелчка выключателя, страшные тени выползающие из-под кровати и шкафа, сразу исчезли.

На столе стояла чашка с супом, заботливо накрытая полотенцем, и стакан с чаем. Сам Митька считал себя уже взрослым, и давно мог и чаю себе налить, и покушать наложить. Но мама по привычке, перед уходом всё оставляла на столе, боясь что её поскрёбыш ошпарится из чайника, или супом из чугунка.

Кушать не хотелось. Митька нырнул под койку, и вытащил из-под неё картонную коробку со своими богатствами. Митька был просто сказочно богат! Самая ценная вещь, это конечно магнит! Вы даже не представляете что это за чудесная вещь! Сколько с ним можно делать интересного! Самое интересное было, это нащупывать магнитом осколки у папы в ноге. Представляете, обычная нога, только по колено отрезанная, а к ней магнит притягивается! Ещё у него было увеличительное стекло. Это тоже очень интересная вещь! Особенно летом, когда им можно прожигать бумагу. Ну и по мелочи много чего. Например цветные детальки от телевизора, которые Митька выклянчил у дяденьки, который налаживал у них телевизор.

Пока Митька возился со своими сокровищами, за окном окончательно рассвело. Убрав всё в коробку, а коробку спрятав под кровать, Митька решил сходить к маме с папой на работу. Работали они на мебельной фабрике, была она недалеко, и Митька часто туда бегал. Сейчас и дело было у него на фабрике. Понадобились Митьке чурочки деревянные специальной формы. Танки он из них делал. Чурок у папы много было, но все прямоугольные, и из них только «Тигры» получались, с квадратными башнями. А на работе у папы, он закруглённые деревянные видел, как раз на башню для «Т-34». Ну а если даже не найдёт, то папа вырежет любой формы.

Подойдя к проходной фабрики, Митька поздоровался с охранником. Сегодня дежурил дядя Муса. Весёлый и добрый дяденька. Он в Новый год Деда Мороза изображал! Так он Митьке все карманы конфетами забил! Правда и Митька постарался, стишок рассказал, которому его мама научила. Дядя Муса, в ответ на Митькино приветствие заулыбался.

– О, кто идёт! К отцу пришёл? Ну проходи, проходи!

Митька не сразу пошёл к папе в цех. Первым делом, Митька зашёл на фабричную конюшню. Лошадей там было всего три, но ходил туда Митька в основном из-за Орлика. Это был конь! Настоящий боевой конь. Орлик в армии служил, но захромал и его списали, так он на фабрике очутился. Его и Митькин папа любил, когда была возможность, он выпрашивал у начальства Орлика, возил для дома что-то, а когда дела заканчивались, учил Митьку запрягать коня, и даже ездить верхом.

В конюшне было чисто, уютно и тепло. Пахло конским потом, кожаной упряжью, дёгтем и немножко лошадиным навозом. Конь сразу узнал его, и потихоньку всхрапнул.

Конюхом был немой дядя Петя, он никогда не мешал Митьке подкармливать и общаться с Орликом. Но на всякий случай, Митька сказал:

– Дядя Петя, можно я Орлику хлебушка дам? – конюх в ответ утвердительно помычал.

Митька вынул из кармана пальтишки краюху хлеба, прихваченную из дома. Подошёл к стойлу любимого коня, тот задрал голову и тихонечко заржал, показывая что рад встрече.

Митька протянул краюху, тот осторожно взял её губами. Митька, дождавшись когда Орлик прожует угощение, зашептал:

– Когда наступит лето, папа обещал взять тебя к нам на весь день. А ещё он сделал мне шашку. Как настоящую! Только деревянную. И седло обещал у кого-то взять, чтоб я в седле научился ездить. И поскачем мы с тобой в поле! Ты под седлом, а я с шашкой!

Орлик внимательно слушал его, прядая ушами и кося лиловым глазом. Потом ткнулся бархатными, чуть влажными и тёплыми губами Митьке в щёку, как будто поцеловал на прощанье.

В цеху, где работал отец, было шумно. На разные голоса гудели и визжали различные станки. Митька осторожно, так чтоб никому не мешать, подошёл к станку, за которым работал его папа. Тот заметил сына, выключил станок.

– Митрий, тебе чего дома не сидится?

– Скучно дома, пап. И мне чурки нужны, чтоб танк доделать.

– Ну это дело! Пойдём пока в курилку, а потом скажешь что нужно. Найдём.

Остальные станки стали тоже отключаться по очереди. Мужики, тоже решили перекурить и потянулись в курилку. Все эти взрослые, сильные мужчины хорошо знали Митьку и уважали его папу. Каждый старался что-то сказать ему доброе, ласково потрепать по голове. Кто-то сунул Митьке в ладошку карамельку, облепленную деревянными опилками. Когда все расселись на лавках расставленных вокруг большой урны, к Митьке прижавшемуся к отцу, подошёл молодой парень. Митька плохо его знал, тот недавно пришёл из армии, некоторое время был учеником у Митькиного отца, а недавно стал работать за станком самостоятельно.

Подойдя, парень покопался в кармане спецовки, и вынул что-то небольшое, завернутое в тряпицу.

– Давно тебя не было, Митёк. Я уж через отца хотел тебе передать, да ты вовремя появился. Держи, – и отдал Митьке свёрточек.

Митька нетерпеливо развернул тряпочку, и чуть не захлебнулся от счастья. У него в руках оказались две петлицы с эмблемами погранвойск, и знак «Гвардия». Парень продолжил:

– Ты уж извини, фуражку мой братишка отобрал. Ну так я тебе это принёс, пусть гвардейка тебе как память о Доманском будет.

Мужики загомонили, кто-то спросил:

– Володь, она с тобой на Доманском была? В бою? – Парень смутился, ответил:

– Ну да. Петлицы-то с парадки, а гвардейка всё время на ХБ была. – Посыпались ещё какие-то вопросы, шутки. А Митька потихонечку сполз со скамейки, и приготовился убежать в потаённый уголок, чтоб насладиться обрётённым богатством. Его манёвр заметил отец:

– Нука цыц! Куда настропалился? Чай не леденец дали, чтоб ты молчком свинтил, и схрумкал его. Чего сказать нужно? – Митька засмутился, но подошёл к парню, и протянул ему ладошку со словами:

– Спасибо Володя!

Парень с серьёзным лицом пожал протянутую ладошку:

– Носи с честью, боец!

Мужики завели какие-то свои разговоры, в основном о том кто, когда и где был. Почти все они успели хлебнуть военной доли. Кто-то, как и Митькин отец, в Великую Отечественную повоевал, кто-то только с японцами успел. Один в Венгрии орден получил.

Отец отвёл Митьку в сторонку, спросил:

– Ты позавтракал?

– Неа, неохота было.

– Ладно, мне сегодня некогда будет, план делать надо. Для танков твоих, я в конце смены детали вырежу. А ты к мамке беги, она тебя и покормит.

Митькина мама работала в лакировочном цеху. Она, и ещё несколько женщин покрывали лаком стулья, выпускаемые фабрикой. От этого цеха, ещё издали сильно пахло нитролаком. Митька больше любил запах дерева, но и запах нитролака был родным и привычным. Сколько Митька себя помнил, эти запахи всегда окружали его, именно они ассоциировались у него с родителями. От отца после работы пахло деревом, горячими опилками и стружкой. А от мамы ацетоном и лаком.

Подойдя к двери цеха, Митька несколько секунд постоял, собравшись с духом глубоко вздохнул, и открыл дверь. Дальше начались муки. Несколько тётек, заметив кто пришёл, побросали работу и кинулись к Митьке. Митька стойко терпел, перенося пошлёпывания, щипки, поглаживания, попытки расцеловать. Он знал что это только цветочки.

Распахнулась дверь в другую половину цеха, и оттуда влетела тётя Шура. Вот это было действительно страшно. Это была крупная, рослая женщина, с вечно распущенной гривой густых, длинных, медно-красных волос. Она и в обычное время фонтанировала дикой, необузданной и неуёмной энергией. А уж при виде любимого племянника... это можно было сравнить с вихрем, ураганом, торнадо, цунами, всё это вместе, в одном лице. Раньше, это стихийное бедствие, частенько заканчивалось Митькиным рёвом и слезами. Но в этот раз, Митька решил стойко всё выдержать. За какие-то секунды, Митька был затискан, расцелован, окружён в каком-то диком танце, несколько раз подброшен (слава Богу, число подкидываний равнялось числу приземлений на руки). Митька, несмотря на обещание самому себе всё вытерпеть, был готов уже разреветься. Но вмешалась мама.

– Шурка! Неугомонная! Оставь мальчика в покое! Обслуживала всего!

Тётя Шура приходилась Митькиной маме толи двоюродной, толи троюродной сестрой, но была намного младше, потому и обращалась уважительно.

– Тётя Дуся, но он у вас такой пухленький, такой мяконецкий, такой хорошенький!!! Съела бы! – Причитала тётка, поставив Митьку на ноги, но всё еще продолжая того теребить и трепать за щеки.

Почувствовав под ногами твёрдую почву, Митька юркнул за мамину спину, и уткнулся лицом в её халат. Первая слезинка, уже выкатившаяся из глаз, моментально высохла. Плакать сразу же расхотелось, оказавшись под маминой защитой. Мама извлекла Митьку из-за спины и нарочито строго, хотя у самой глаза лучились счастьем, сказала:

– Чего тебе дома не сиделось? Чего прискакал? Не ел поди ничего? Голодный?

Подшло уже время обеденного перерыва, женщины потянулись обедать. Кто-то пошёл в столовую, кто-то устраивался в раздевалке за столом. Мама с Митькой также уселись за стол, мама выложила на стол захваченный из дома обед. Покормив сынишку, мама в уголочке постелила несколько ватников, сверху накинула свой халат, и уложила на него Митьку. Тот немного поворошился, под монотонный разговор женщин быстро заснул.

Проснулся Митька задолго до окончания смены, проснулся и долго лежал в сумраке, прислушиваясь к звукам в цеху. Наконец смена закончилась, женщины стали заходить в раздевалку, а Митька выскочил на улицу. Там он подобрал несколько застывших потёков лака, которые очень здорово горели, если их поджечь. Побаловался с паром, фыркающим из трубы выходящей из цеха. Вскоре и отец подошёл, дождался маму и пошли домой.

Придя домой, Митька сразу нырнул за своей коробкой, забрался к себе на печку, и долго возился со своими богатствами. В основном конечно со знаком «Гвардия» и только что приобретёнными петлицами.

Родители тем временем занимались своими делами. Мама подогревала ужин и накрывала на стол. А папа что-то налаживал.

Поужинав, отец принялся подшивать Митькины валенки, которые тот протёр катаясь по обледеневшей дороге. А мама принялась прясть шерсть, чтоб потом связать всем варежки.

А Митька пристроился к матери, и стал отшелушивать с её натруженных рук тоненькие плёнки нитролака. Как бы мама ни мыла тщательно руки растворителем, тонюсенькая плёночка лака на руках всё равно оставалась. Вот эту плёночку и сдирал осторожно Митька. А потом прижался к матери, и засопел засыпая, и ощущая неповторимый мамин запах.

Прошло много лет.

Митьке было хорошо и приятно. Он куда-то летел, даже не ощущая потока встречного воздуха. Это было похоже на невесомость, когда и тело, и руки и ноги абсолютно ничего не весят. Такая же невесомость была и в голове. Впервые за долгое время не было никаких мыслей. Совсем никаких. Была только полная эйфория, ощущение невиданного счастья.

– Всё, – констатировал врач, снимая с лица марлевую повязку, – Он ушёл, – сделал несколько шагов к двери, остановился, и с какой-то бессильной злостью продолжил:

– Почему? Ну почему? Ведь раны-то были пустяковые! Он никак не должен был умирать! Наверное контузия от фугаса что-то в нервной системе нарушила. Пока мы пытались его вытащить, он как будто сопротивлялся! Как будто сам решил умереть!

Нет боли. Нет смертельной усталости. Нет ничего, кроме полёта.

Внезапно раздался тихий, далёкий, еле слышный голос. Он прислушался. Словно изда-лека, голос звал его:

– Митенька, вставай сынок, просыпайся.

И запах. Неповторимый мамин запах, перемешанный со слабым запахом лака...

Главврач госпиталя зашёл в палату выздоравливающих, где и Митька ждал своей выписки. Все подтянулись, ожидая что скажет медицинское начальство. Врач подошёл к койке, на которой сидел Дмитрий:

– Ну что прапорщик, собирайся. Получай обмундирование, документы, и дуй домой в отпуск. Везунчик ты, однако. Больше пяти минут был за гранью. Я тебя и откачивать бросил, – помолчал несколько секунд, и сказал, – силён твой ангел-хранитель.

Митька улыбнулся, подумал:

– Сказать ему что ли, что меня просто мама позвала? – Но вслух сказал, – спасибо вам доктор.

Старший брат

Митька сидел на берегу речки с удочкой. Речушка весело скакала и журчала в камнях чуть выше, на перекаате. А там где сидел Митька под ольхой, она успокаивалась в омутке, и медленно закручивалась под обрывчиком.

Сидел мальчишка с удочкой не ради рыбы. Ну какая рыба в этом месте? Выше по течению, уже в отрогах Уральских гор, и в этой речушке водилась хорошая рыба. Хариусы стояли стайками под перекатами, изредка выпрыгивая из воды серебряными ракетами в погоне за мухами и комарами. И ручьевая форель там водилась. Но на такую рыбу снасти хорошие нужны, леска тонкая и прочная, удилище длинное. Очень уж пуглива и осторожна рыба в горных речушках.

На этот омуток убегал Митька, когда шкодничать ему надоедало. Или когда в очередной раз от мамы по шее получал, за свои проделки. Вот тогда, хватал Митька удочку и убегал на речку. Сидел под ольхой и думал. О чём? А какие мысли у шестилетнего мальчика могут быть? Детские. В этот раз он думал о том, что скоро брат с буровой приедет. Опять затискает младшего братишку, по магазинам поводит и купит Митьке всяких разностей и вкусностей. Однако не ради шоколада-мармелада Митька брата ждал. В прошлый свой приезд, он Митьке топорик привёз. Замечательный топорик, в чехле и рукоятка резиной обтянута. Папа его натолил до бритвенной остроты, ну и Митька сразу топорик в деле проверил. Рассадил себе два пальца до самой кости. Мама сильно ругалась. Сначала Митьку, пока унимала хлещущую кровь и перевязывала рану. Потом папу с братом. А потом долго плакала за домом, утирая слёзы уголочком платка. Ну а что плакать-то? Рана затянулась через три дня уже, только шрамики остались поперёк пальцев. Правильно папа говорил, когда мама его ругала:

– Парень растёт чай, и не такие царапки ещё будут!

Ждал брата Митька, потому что он леску японскую обещал привезти. Тоненькая-тоненькая такая, и зелёного цвета. Вот на такую леску можно и хариуса поймать. Однажды соседские парни брали Митьку с собой на рыбалку. Так у одного на удочке такая леска была. Какого хариуса он поймал, – жуть! С метр длиной наверное! Ну... может и поменьше... раза в три. Но всё равно большого.

Ну а уж если быть честным до конца, то просто соскучился Митька по брату. Тот подолгу на работу уезжал, по целому месяцу где-то в Сибири работал, на нефтепромысле. Такое взрослое слово Митька от отца слышал, когда они с мамой про брата разговаривали. Тогда мама тоже плакала. Странные они, женщины. Танька соседская тоже, чуть что, сразу в рёв.

Опосля, Митька спросил у отца, почему мама плачет украдкой, когда о Митькином брате речь заходит. Отец долго мялся и кряхтел, но попытался Митьке объяснить. Очень по-взрослому он рассказывал, Митька и не понял почти ничего, но запомнил накрепко.

– Вишь ли, сынок. Васька он в ведь в 48м годе родился. После войны уже, но и тогда ещё голодуха была. А мамка ваша всю войну ишшо голодала. Их в семье пятеро дитёв было. Четыре девки, и дядька твой, – Матвей. Матюху сразу, в 41м году на фронт забрали, где он почти сразу и сгинул без вести. А ведь тогда как было-то, ежели из семьи кто воевал, али убит был на войне, то каку-никаку помощь Советка власть тем семьям оказывала. А ежели кто без вести пропал из семьи, то никакой подмоги от государства не было. Да к тому ж, если в семье был кто из мужиков, нехай хоть старый али хворый, всё ж какой ни то прикорм в семье был. С рыбалки хотя б. Ружья в войну у всех отобрали, однако хотя б силки на зайца ставить можно было. А у мамки твоей, папка сильно хворый был, неходячий вовсе. Вот и перебивались они все военные годы Бог весть чем. К тому ж мамка твоя старшенькая в семье была, всё норовила младшеньким лишний кусочек уделить, хотя б и от лепёшки из лебеды.

Тут с огорода зашла в избу мама. Отец как-то съёжился, виновато посмотрел на неё.

– Мать, там на задах у оврага, забор завалился. Пойдём мы с Митянькой, поправим его. Заодно в овражке и щавеля нащиплем, а ты вечером щей наваришь.

– Идите уж. Опять про фронт рассказываешь? Опять ночь спать не будешь?

– Не, это я пострелёнку про то, какая рыба водилась в заводском пруду до войны, балакаю. Про раков опять-таки.

Быстро поправив забор на задах, отец с Митькой спустились в овражек, где струился небольшой ручеёк, вдоль которого и рос щавель. Отец, отстегнув костыль, уселся на него в тени старой ивы. Вынул пачку папирос, закурил и продолжил рассказ:

– Ну вот, значитца. Сильно мамка твоя в войну голодала. Меня когда демобилизовали, тоже не сильно здоров был. Хромал сильно, стоять долго не мог. В ноге чуть не полкило железа сидело. Это уж опосля, в 52м мне её отчекрыжили, когда гангрена от тех осколков пошла.

Отец помолчал немного, затягиваясь папиросой, продолжил:

– В 47м году слюбились мы с мамкой твоей, женились как полагается, и поехали мы с ней по вербовке на Магнитку. Там мать Васятку и родила. Видать от того, что мамка твоя голодала много, родился Васятка мелкий да хворый. К тому ж и молоко у неё пропало сразу. Жили мы тогда в бараке на десяток семей. Закутки были одеялами и тряпками огорожены, мебели никаких. Только пара матрацев на полу, да ложки-поварёшки. И голодно было. Помню, когда Ваське полгода уже было, мамка кашу пшённую сварила. На воде, без молока аль жиров каких ни то. Пихает ложку с кашей в рот Васятке, а тот плюётся, морду воротит и орёт благим матом. Помучилась она, помучилась, сунула ему титьку пустую, тот почмокал да и заснул. Запол-ночь уже, слышу ворошится кто-то. А это Васятка, переполз через мамку, подполз к чугунку с кашей, и давай её ладошкой наворачивать.

Отец долго молчал, глядя затуманенным взглядом куда-то вдаль. Глубоко вздохнул, опять заговорил:

– Так что стало быть, ты не удивляйся что мать по Ваське сильно убивается. Она вас всех любит, и тебя и сестёр твоих. Однако первенца ей жальче. Вы-то здоровенькие и крепенькие все на свет появились. И выкормила она вас всех исправно, и голодуха вас стороной обошла.

Мало что понял тогда Митька из рассказа отца. Но удивляться перестал, когда мама тайком смахивала слезу, глядя как её первенец ворочает мешки с картошкой, или носит брёвна. И соседскую Таньку перестал Митька обижать, ведь кто знает, как она жизнь повернётся...

Рысь

Митька летел. Кроме как полётом, нельзя было назвать ту бурю ощущений, которую он испытывал. Хотелось кричать и петь от наслаждения, хотелось поделиться счастьем со всем миром. Мягкая неразбитая просёлочная дорога, шедшая под некрутой но затяжной уклон, ложилась под колёса его велосипеда. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь разлапистые сосны, растущие вдоль обочины, щекотали ему лицо заставляя жмуриться. Оглушающе пахло разнотравьем и сосновой смолой. Вскоре дорога плавно свернула вправо, уходя в густой лес, а через некоторое время вынырнула на берег Чёрного озера.

Поперёк дороги был натянут толстый стальной трос, один конец которого был закреплён на берегу, а другой уходил на остров, притянутый к берегу озера. Митька остановился, спрыгнул с велосипеда. По хозяйски попрыгал на тросу, натянутом до гитарного звона.

– В прошлом году троса не было, остров свободно плавал по озеру, – подумал он. – Кому он мешает? Кто ещё может похвастаться что на его родине есть озеро, на котором есть плавающий остров?! А сейчас он вращается корнями растущих на нём деревьев в берег, и постепенно станет ничем не примечательным куском суши. Трос толстый, перерубить не получится. В следующий раз кислоты надо прихватить, и трос ей полить. Пусть остров и дальше плавает от берега к берегу по воле ветра.

Рядом вытекал родник с чистой жгуче-ледяной водой. Митька напился, срезал несколько липовых веток и положил их вымачивать в бочажок с родниковой водой. Затем отошёл чуть дальше, ведя свой велосипед за руль, прислонил его к сосне, а сам полез на косогор спускающийся к озеру, лакомиться лесной клубникой.

На краю косогора стоял пенёк, скрытый малинником и высокой крапивой. В удачные дни, с этого пня диаметром в два обхвата, можно было набрать ведро вишонок. Митька, оторвавшись от ягод, пролез через малинник, терпя уколы колючих кустов и ожоги злой лесной крапивы, вынырнул возле пня. Повезло. Он почти весь оброс грибной семьёй, а так как пару дней назад были дожди, то и грибочки все были почти одного размера как на подбор и свеженькие. А на плоской верхушке пня, лежал старый толстый уж, греющийся на солнышке. Услышав шепуршание кустов, уж поднял голову, озабоченно обнюхивая воздух раздвоенным языком, затем спокойно уложил голову обратно.

– О! Старый знакомый! – улыбнулся Митька, – И эту зиму пережил! Ну значит и этим летом я тебя подкормить постараюсь.

Митька, сняв рубашку, стал аккуратно, стараясь не потревожить старого ужа, собирать в неё грибы. Сказалась близость озера, со всей округи слетелось комарье на бесплатное угощение. Митька, передёргивая лопатками, яростно шипел сквозь зубы:

– Кровопийцы! Пользуетесь тем, что старика тревожить не хочу, не могу руками махать. Ладно, чего уж там, радуйтесь. От меня не убудет!

Вернувшись к велосипеду, Митька снял с руля холщовую сумку, вынул из неё прихваченные из дому немудрёные харчи и переложил в неё собранные грибы. Отломил краюшку хлеба, и снова вернулся к пеньку. Положив краюшку возле пня, прошептал ужу:

– Ну вот, старый. Сбегутся мыши к хлебу, ты уж не зевай! Схарчишь мышку, этого тебе дня на три хватит. А вечерами лягушатами полакомишься. А через недельку я опять приеду, молочка тебе прихвачу, да хлебом мышей приманю. Так и наберёшь жирка за лето, и ещё одну зиму переживёшь.

Дойдя до бочажка, Митька вынул из него уже хорошо отмоклие липовые ветки. Вернувшись к велосипеду и перекусив, стал вырезать из веток свистульки, размышляя между делом:

– Завтра суббота, сестра с племянниками в бане мыться придут. Вот племянникам свистульки и отдам.

Дело спорилось, с хорошо отмоченных веток легко снималась надрезанная кора. Свистульки получались разного диаметра и длины, соответственно они издавали разные звуки. В одной, Митька сделал несколько отверстий, пережимая которые можно было извлекать немудрящие мелодии как на дудке.

– Жаль что мне «медведь на ухо наступил», нет у меня к музыке таланта. – а в голове продолжали крутиться мысли: – Исконно русским деревом берёза считается. Спору нет, красивые берёзки! И пользы много от этого дерева. И береста, и дёготь и для дров лучше всего. Но от липы пользы намного больше. Вся Россия крестьянская, до революции в лаптях ходила. А лапти из лыка делали. Половина домов была лубом крыта. Что уж там, и Митькин дом был лубом крыт, уже на Митькиной памяти отец крышу шифером перекрыл, – Митька хихикнул, вспомнив как отец сделал для него «горку», поставив под наклоном лубок, снятый с крыши. Митька покатался с него полдня, но решил другой поставить. И не заметил в лубке гвоздик. Рассадил и ляжку, и задницу, и трусы надвое порвал. – а для бани? Что может быть лучше мочалки из лыка? – Митька поднял взгляд на остров, причаленный к берегу, – вот и остров этот благодаря липе образовался. В озере издавна лубок липовый вымачивали, оставался мусор. Он в кучку сбился, земли на него ветром нанесло, семян. Так и плавал по озеру островок, заросший осинником.

Закончив вырезать свистульки, Митька вытащил прихваченную с собой книжку. Это была книга рассказов Джека Лондона. За чтением незаметно подкралась дремота, и Митька уснул, видя во сне как он с Малышом и Смоком, штурмует Чесапикский перевал.

Проснулся Митька от ощущения чужого взгляда. Приоткрыл один глаз. На горизонтальной ветви, прямо над его головой, лежала большая пятнистая кошка и пристально разглядывала его жёлтыми глазами. Митька приоткрыл второй глаз, пригляделся. Увидел кисточки на ушах.

– Тудыть твою! Это ж рысь!

Кошка, словно поняв что её разглядывают, потянулась мурлыкнув. Вытянула левую переднюю лапу, стала вылизывать её розовым языком. Из подушечек на лапе вылезли когти.

– Ого! Когтищи-то! Сантиметра четыре длиной!

Рысь, продолжая красоваться, поднялась, выгнула спину. Сделав несколько шагов по ветке, спрыгнула в подлесок.

– Вот это да! Зимой теперь осторожнее надо будет сюда на лыжах бегать!

Вечером Митька подошёл к отцу, стругавшему что-то за верстаком. Дождавшись когда отец прервётся на перекур, сказал:

– Пап, я сегодня рысь видел.

– Не выдумывай. Небось кошку одичавшую встретил.

– Не, пап. Рысь. С кисточками на ушах, когти в мой палец.

– Ну может быть. Хотя про рысей с войны не слышно было. Но лес большой, границ в нём нет. Может из-за Урала приبلудилась. Зверьё в здешних местах перед войной изрядно повывели. Тогда ведь в каждой семье ружьишко было, а то и винтарь под застрехой припрятан. Охотились люди. А в войну ружья поотбирали у всех. Зверьё расплодилось. Волки по улицам бегали, да и рысей говорят часто видели. После войны народ опять ружьями обзавелся, и за волков убитых власти премии давали. Пропало зверьё. А сейчас опять прижали народ. Охотиться мало стали, зверьё опять расплодилось. Может и рыси появились. Сильно испугался-то?

– Немного есть. Но лето же.

– Это да. Летом зверь сытый, спокойный.

Осенний день

...Мишка нагло бездельничал. Валялся на койке, забросив ноги на дужку. Мысли медленно и лениво ворочались в его голове, плавно и тягуче переливаясь одна в другую, словно ликёр «Шартрез», который он пил с Танюшкой ещё на гражданке. Они пили ликёр, а потом целовались, липкими, сладкими губами...

– Мих, ты не спишь?

Спросил, подойдя к койке, замстаршины, Серёга Кузнецов.

Мишка лениво сбросил свои копыта с дужки, уселся по-турецки.

– Вот Кузя, объясни мне. На кой хрен, я из-за тебя с половиной роты дрался? Чтоб ты сволоочь, мне кайф ломал?

– Да ладно, Мих. Я видел что ты не спишь. Слушай, в наряд тебе сегодня надо сходить.

– Кузя. Совсем вы оборзели. Мне домой вот-вот, какие нафиг наряды???

– Хе. Мих, а я слышал что ты прапором остаёшься. При мне особист ротному говорил, что если он тебя не заставит звёздочки нацепить, то и ротный свою очередную, – хрен получит!!!

– Звёздочка ротного, мне до лампочки, а про свои я ишшо не решил. Ты давай дело излагай, с чего меня напрячь решил?

– Ночью шесть человек с дизентерией в больничку отправили. Не хватает людей в наряд. Тебе на выбор, или в караул, или на КПП. Чё ты выёживаешься, заступишь с молодым на КПП, он подежурит, ты подружку каку ни то притащишь!

Мишка глубокомысленно нахмурил брови и изрёк:

– Понимаете ли молодой саквояж, это у вас задницы деревянные, и это вам в кайф две недели бицеллином колоться, после трёхминутного траха. А я как ни то поберегусь, вот увольюсь... помнишь я тебе песню пел? «Солдаты группы „Центр“»? Вот я подожду, а через месяц, как в той песне, – «...невесты белокурые наградой будут нам...»...

...Середина октября, последние тёплые денёчки. Мишка стоит, привалившись к стенке КПП, греется на солнышке...

– Хрен с ним, с тем нарядом. Всё же в городке офицерском, и Кузю выручил, и мальчонке отоспаться дам. О! Храпит как! Тяжелова-то после внутреннего, да ещё и с «дедами» дневалил.

...Внезапно, из за угла выкатывается детский надувной мяч, прямо под ноги. Следом выбегает малышка лет четырёх. Останавливается в нескольких шагах. Мишка быстро наклонился, и осторожно катнул мячик в сторону девочки. Малышка тут же бросает его обратно. Мишка, нарочито неуклюже, делает вид что еле-еле поймал его. Малышка звонко смеётся. Раздаётся цокот женских каблучков и голос:

– А я думаю с кем тут Женечка играет!

Мишка не поднимаясь сам, поднимает глаза... туфельки... ножки... стройные ножки... всё ещё ножки!!!... Эх! Уже юбка.

Выпрямляясь, бурчит:

– Да вот, мячик подкатился...

– Молодой человек, а вы не сможете присмотреть за дочкой? Буквально несколько минут? Я только в булочную, и обратно?

– Да, конечно. Мы пока в мячик поиграем.

Вернувшись, после короткого, ни к чему не обязывающего разговора, мама с малышкой направились к дому, и уже отходя, словно невзначай проведя по руке, девушка тихо сказала:

– Если ночью будете дежурить, я живу вот в этом доме, в 48й квартире. Приходите.

...Через час, Кузя запыхавшись, прибегает с каким-то штабным писарчуком.

– Миха, давай пулей в роту, за тобой приехали.

Слегка отдышавшись, тихо говорит:

– Наверно снова в рейд? Аккуратнее там. Вернись.

...Рейд прошёл штатно. Уложились в 2 недели. Вернувшись, Мишка напросился на то же КПП. Простоял там бессменно трое суток. На третьи дождался...

...К КПП подходила молодая семья. Молодой мужчина, девчушка лет 4х и симпатичная женщина. Мужчина, показав свой пропуск, и взяв дочку за руку, сразу же вышел в город. Женщина немного замешкалась, вынимая пропуск из сумочки, заглянула Мишке в лицо, счастливыми, сияющими глазами, – прошептала:

– Что же вы не пришли? Я ждала вас. А теперь поздно, вернулся муж.

Утром Мишка написал рапорт на сверхсрочную службу...

Овринг

– Бля. Надо в пропасть сигать. Нельзя ребят во грех вводить. – Тоскливо подумал Мишка. – Хорошо в кино, ранили бойца, так его вся часть на себе волокёт, и чаще всех командир запрягается. Только тут вам не там. «Летучим мышам» первым делом в голову вдалбливают – если мешаешь группе, кончайся сам. Не заставляй командира грех на душу брать.

Бежать становилось всё труднее и труднее. Конечно можно было б кольнуться промедолом. Однако проблему это не снимало. С осколком в ляжке много не набегашь.

Тропа сошла почти на нет, стала едва ли шире 30ти сантиметров. Ещё метров через 100 закончилась и она. Впереди висел овринг. Перейдя через него, группа остановилась на минутную передышку. Мишка подковылял к командиру:

– Слышь, командир. Нельзя этот мостик щас рвать. Духи в обход пойдут. Они места знают, так их с хвоста не скинем. Мне в любом случае жить осталось не больше километра. Давай я под него закладку сделаю, сам притихарюсь, а когда они перейдут, рвану этот балкончик. Ну и подзадержу их сколько смогу.

Старлей молча кивнул. Скомандовал группе подъём. Ребята, проходя мимо, оставляли по магазину из БК. Последним подошёл командир, вытащил из кармана пачку «Стюардессы».

– Полчаса у тебя будет. Успеешь всё приготовить. И покури нормальных сигарет, а то смолишь всё свою «Приму».

– Так я же чувствовал, не суждено мне от рака лёгких помереть, потому и не курил сигареты с фильтром. – Засмеялся Мишка.

Метрах в 15ти от овринга, тропа следуя изгибу горы, резко сворачивала. За поворотом была небольшая площадка для отдыха «караванщиков». Даже лежала приличная куча хвороста. Ещё чуть дальше по тропе, в гранитном теле скалы была узенькая расселина, совсем незаметная с площадки.

Мишка тщательно уложил брикеты взрывчатки, стараясь расположить их так, чтобы хотя бы пару кусков труб, использованных в качестве опор для настила и вбитых в скалу, вырывало при взрыве. Воткнул детонаторы, соединил их между собой и с радиовзрывателем. Прихромав к расселине, присел, закурил сигарету из командирской пачки. Мысленно усмехнулся.

– Вот и мне довелось покурить «дембельских» сигарет. Правда никак не думал, что это перед окончательным дембелем будет.

Ждать «духов» пришлось довольно долго. Только минут через 20, за поворотом раздался неясный, приглушённый шум. Выглядывать было нельзя, приходилось полагаться на слух. Раздалась команда на пушту. Еле различимо, из за расстояния, заскрипел настил овринга. Ещё через некоторое время, раздался треск хвороста.

– Так. Это головной дозор. Проверили мостик, щас проверили кучу хвороста. Сейчас они в охранении останутся, а один вернётся знак подать что всё чисто.

Боевое охранение, судя по звукам из двух человек, устроилось буквально в 5—6ти метрах от него. Как Мишка и предполагал духи тоже были сделаны не из железа, они тоже устроились на короткий отдых, перейдя овринг.

– Ну что ж, пора и мне начинать последнюю гастроль.

Подумал Мишка, дождавшись пока все духи подтянутся к месту привала.

Вдавил кнопку радиовзрывателя. Сразу отбросил его, рванул заранее приготовленные эфки, с отогнутыми усиками, на секунду высунулся из щели, швырнул гранаты в ноги духам из охранения. Тут же вжался обратно в щель, чтоб не зацепило своими же осколками.

Дальше началось странное. После взрыва закладки, как будто бы сама земля вздохнула, и через несколько секунд мимо норы ошеломлённого Мишки, загремел камнепад. Тысячи камней, камешков, булыжников и огромных глыб проносились мимо его лица.

Когда камнепад успокоился, Мишка осторожно, одним глазом выглянул наружу. На месте привала душманского отряда громоздилась огромная куча камней. Стонов слышно не было, вероятнее всего, всех духов смело лавиной в ущелье.

– Однако горазд я пошуметь. Одним махом семерых убиваю. Почти полсотни правых душ к Аллаху отправил.

Очень осторожно, стараясь не потревожить неустойчивый завал, Мишка перебрался дальше по тропе. Добравшись до участка, где стихия не побуйствовала, уселся, достал сигареты, прикурил трясущимися руками.

– Это ж получается, мне в этот день двойной праздник придётся отмечать. И похороны и второй день рождения. Горы однако непредсказуемы. Специально фиг придумаешь, чтоб так удачно камнепад организовать. Может наша Хозяйка Медной горы, и здесь власть имеет? Не дала мальчонке уральскому, в чужих горах сгинуть.

...

Неделю он добирался до своих. Почти две недели провалялся в санбате, одновременно проходя КГБэшную проверку. Отмаявшись, поехал домой на побывку. Дом встретил тоской и безысходностью.

– Так вот уже две с лишним недели и лежит, в сознание не приходит. Как похоронка на тебя пришла, так insult её и разбил. – Рассказывал батя, привычно сминая беломорину между пальцами. – Врачи говорят, – не жилец она.

Двое суток просидел Мишка у постели больной матери, держа её за руку. На третьи сутки она ненадолго пришла в себя.

– Мишаня, сыночек... живой.

И вновь провалилась в небытие.

Чужие горы не остались без жертвы. Через несколько дней, Мишкина мама, скончалась, так больше и не придя в сознание.

Душная ночь в Аддис-Абебе

Рейд сложился в целом удачно. С территории Анголы, перелетели на вертушках в Мозамбик, после трёхдневного перехода вышли на необходимую автодорогу. Дождались колонну, сработали её вчистую, и забрали груз. После ещё одного двухдневного перехода, встретились с резервной группой, и передав им груз, ушли в отвлекающий бросок. Утянув за собой на хвосте «Алмазный спецназ», за день пути до точки эвакуации, смогли от него оторваться. И внезапно, лоб в лоб столкнулись с отрядом одного из многочисленных «национально-освободительных» фронтов.

Встречный бой, страшен именно своей непредсказуемостью. Когда вываливаются друг на друга два отряда, мало что зависит от личной выучки каждого бойца. При встречном бое, превалирует плотность огня. Если проще, то кто за пару минут патронов больше выпустил, в сторону противника, тот и в шоколаде. Как оба головных дозора, проморгали друг друга, – бог весть. В джунглях бывает всякое. Повезло «мышам» в одном, как и большинство таких отрядов, и этот состоял из подростков 13—16 лет. Выпустив по магазину, абы куда, мартышки резко сдриснули в чащу, оставив на поле боя троих своих «командиров». Группе повезло, а вот Веньке с боевым прозвищем «Веник», – не очень. Был он в группе самым мелким, ростом 170 сантиметров, и весом четыре пуда. Трое оставшихся «гамадрилов», не успевая перезарядиться, ломанулись в рукопашку. Двое надели на Витьку Самохина, а один наскочил на «Веника». Повезло, бля. «Лумумба» был за два метра ростом, и вооружён... На полный двуручный меч, это «произведение оружейного искусства» не тянуло, а вот на римский «гладиус», вполне. Первый удар этой ржавой железяки, Веник заблокировал разряженным автоматом. Автомат, вполне ожидаемо, улетел куда-то в кусты. Но пока орангутанг размахивался заново, Венька успел вбить ему в печень свой НР, и даже провернул его. Вы пробовали остановить локомотив на полном ходу? Не советую. Вот и «лумумба», с раскромсанный в клочья печенью, ужедохлый, все же успел полоснуть Веника по рёбрам. Венька уходом ослабил удар, ржавый свинокол рёбра не перерубил, но рану, длиной сантиметров в пятнадцать, оставил.

Сидя в частном самолёте, летящем в Аддис-Абебу, эта рана Вениамина и беспокоила. Не было времени, нормально её обработать и зашить. Засыпал стрептоцидом, наспех стянул края раны лейкопластырем, – и ходу.

– Ничего, – думал он, – долетим, разместимся, заштопаюсь и обколюсь антибиотиками и противостолбнячными. Лишь бы поздно не было, «облизьян» явно не утруждал себя дезинфекцией свиногола.

Почему начальство, в этот раз предпочло не эвакуировать группу обычным путём, через Луанду, – неизвестно. Пути Господа Бога и большого начальства, – неисповедимы. Этими неисповедимыми путями, группа и оказалась на окраине столицы Эфиопии. Куратор, встретивший ребят на аэродроме, сопроводил их на двух джипах до небольшого особнячка. Посоветовал им без особой нужды из дома не выползать, вручил командиру тощенькую пачечку местной валюты, и испарился. Два боевика, бывшие с ним, собрали всё стреляющее, взрывающееся, колюще-режущее железо, закидали его в один из джипов, и тоже отчалили. Из оружия, осталось у «мышей» только два клинка. Витька Самохин, по прозвищу Сом, приныкал трофейный «Боуи», с надеждой протащить его в Союз. И боевики, не осмелились отобрать у Веника НР, которым он рану в это время выскабливал.

Почистив рану с помощью ножа и ваты из аптечки, Веник принялся зашивать её. Боль была вполне терпимой, но доставал до самого мозга, звук иголки прокалывающей мясо.

«Мыши» меж тем, обступили своего командира, подсчитывавшего пачку местной валюты, которая называлась, – быр.

– Беда, братишки. Тугриков, этих, даже на хорошо выпить не хватит. А кантоваться нам здесь ещё неделю минимум. Кстати, пока все в сборе, о новой задаче расскажу. Какой-то сухогруз идёт в Союз. Везёт что-то важное. А в Индийском океане пираты шустрят. Мы идём на этом сухогрузе, и при необходимости, отправляем пиратов кормить рыб. Экипировка и оружие, – на корабле.

Новая задача не вызвала ни у кого никаких особых эмоций. Чего ж теперь, – надо, значит надо. А вот невозможность облегчить послебоевой откат, ввергла в уныние. Что нужно бойцу, после выполнения боевой задачи? Правильно. Двести грамм водки, и... женщину конечно. И желательно того и другого, по несколько раз. И не будет тогда никакого «вьетнамского синдрома».

Веник закончил «шитьё», и подошёл к командиру:

– Кэп, мне в аптеку надо. Я иголку, нитки, вату из аптечки вынул, а саму аптечку на РДэшке оставил. Так эти «двое из ларца, одинаковых с лица», и её со всей амуницией вместе, уволокли.

– Иди. Возьми с собой, кого ни то. Сома вон прихвати. Разведайте заодно, чем тут дышат, и что жрут.

Первой неожиданностью, для Сомы и Веника, стало нежелание понимать местным населением, ни английские фразы, взятые из «русско-английского допросника», ни исконно русский мат.

– Сом. Ты по-французски шпрехаешь?

– Ну-у-у не то, чтоб свободно, но несколько слов знаю.

– Изреки.

– Лямур, тужур и трекрунур.

– Богато. Сом, ты опять меня поразил до глубины души, своим кругозором. Ты и по-пуштунски матом крыть можешь, и языком Золя владеешь. Прямо полиглот.

– Гы. Не ты первый. Мне ещё мамка с папкой удивлялись, – «Ну ты Витька, прямо проглот!». Ну а что? Глотаю всё, что меня проглотить не может!

Венька помолчал минутку, искоса поглядывая на своего товарища. Продолжил:

– Сом. А с какого перепугу, ты в свой богатый французский словарный запас, тре-крунур внёс?

– Фиг знает. Красивое слово.

– Красивое. Но шведское. Значит ты у нас ещё и шведским владеешь. Точно полиглот.

Наконец нашли человека, слегка понимающего по-английски. Тот долго рассматривал странную парочку в грязном камуфляже, но направление на аптеку указал. Тут их настигла вторая неожиданность. Сом с Веником, как и большинство советских людей, привыкли что аптека, – это аптека, магазин, – магазин, а кафе, – это кафе. Тут же под одной крышей находилось всё вместе. Войдя, рассмотрели для начала ассортимент винного отдела. Богато. Но с их запасом быров, – недоступно. Перешли к аптечной стойке. Подозвали местного Гиппократы, черномазой наружности, стали требовать антибиотики и противостолбнячное. Африканский Авиценна, понимать их напрочь отказывался. Даже волшебные «лямур» и «тужур», не произвели никакого впечатления. Разговор пытался вести в основном Веник, Сом стоял чуть позади, и периодически вставлял слова, из своего французского лексикона.

Внезапно, местный Парацельс, резко посерел, закатил глаза, и попытался свалиться под стойку. Веник успел ухватить его за шкирку, и обернулся посмотреть, что же так поразило местного жреца бога Асклепия. Картина была эпическая, – «Сом чистит ногти своим ножичком». Причём «Боуи», способный видом своей страхолюдной пилы, вызвать ступор у любого нормального человека, не был самым страшным элементом этой картины. Ведь за что Витьку прозвали «Сомом»? Во-первых, за обвислые, длинные «запорожские» усы. И за пасть, размером с небольшой экскаваторный ковш, которая раскрывалась от уха до уха. Такой Щелкунчик,

полутора центнеров весом. И «Щелкунчик» этот, слегка раззявив пасть, чистил ногти своим ножичком.

– Сом. Ты зачем нож взял?

– Ну... А вдруг кто обидеть нас захочет? Кто этих облизыян знает? А тут, какой-никакой, а ножичек.

– Сом. Ты можешь себе представить человека, который тебя обидеть захочет?

Витька с минуту пыхтел, честно пытаясь себе представить самоубийцу, который захочет на него напасть.

– Не. Не получается.

Хозяин вдруг очнулся, и начал что-то быстро лопотать по-английски.

– Stop! Slower please, гамадрил бесхвостый! – Прикрикнул Веник.

Сбавив темп, хозяин предложил покупателям, взять что угодно, лишь бы поскорее убрался отсюда этот гоблин, со своей маникюрной пилочкой. Веник прошёл за стойку, по латинским названиям нашёл нужные ему лекарства, и собрался уже уходить, как вдруг заметил интересную мензурку. На мензурке был изображён «весёлый роджер», и написана химическая формула, – C_2H_5OH .

– Сом. Дегустатором будешь?

Витька нахмурился, и злобно рыкнул:

– Веня, хоть ты мне и друг, но за такое предложение, и в лобешник можешь огрести!

Венька посмотрел на кулак друга, со свою голову размером, вздохнул, и продолжил:

– Хорошо. Перефразирую предложение. Спирт будешь?

– А то?! Где? Давай!

Друзья прошли в кафешку, расположенную здесь же. Подойдя к столику, Веник выставил на стол мензурку. Сом, покопавшись за пазухой, извлёк на свет божий гранёный стакан.

– Знаешь, Вить. Я начинаю беспокоиться за судьбу этого городишки. Там у тебя ничего больше не заначено? ПЗРК например, или боеголовки ядерной?

– Не. Ничего больше нету. Таранька была, но я её в самолёте схрумкал. А стакан... Чё стакан? Счастливый он у меня. Третий рейд со мной. И на растяжку не пригодился, и в РДэшке не разбился, и я целый. А это чё за шнягу ты зацепил? С черепушкой на этикетке? Чё за дихлофос?

– Судя по формуле, это чистейший этиловый спирт, Витя.

В кафешке, кроме двух друзей, сидело десятка полтора представителей местной фауны. Все они заинтересованно следили за непонятными телодвижениями двух беломордых придурков. Когда тот, что поменьше, налил в стакан жидкости из бутылки с общепринятым обозначением яда, все как-то напряглись. А когда здоровый тип, выплеснул этот яд себе в пасть, то все очень внезапно захотели оказаться подальше от этого места. Когда суматоха стихла, к товарищам подошёл взволнованный хозяин заведения, и поинтересовался, вызывать медицинскую помощь, или уж сразу катафалк? Веник недолго переговорил с ним, потом обратился к другу:

– Сомыч, есть возможность подзаработать слегка, чтоб нам эта неделя не слишком долгой показалась. Устроим тотализатор.

– Запросто. Покажи кого, я его в момент утилизирую!

– Сом. Не надо никого утилизировать. Короче. Я пью спирт, у этого хитрозадого гамадрила растёт пачка денег. Твоя задача, – следить чтоб это чудо никуда не приныкал часть денег, а в оконцовке забрать у него половину. Сомыч. Повторяю. По-ло-ви-ну. Дошло? Ну и под занавес, доставить мою тушку до места постоянной дислокации.

– А почему ты пьёшь? Давай я. Я больше выпью!

– Тогда тотализатора не получится. Интрига исчезнет. Любому же понятно, что ты и ведро любой отравы выжрешь, и не поморщишься.

Тем временем, хозяин куда-то сбегал, и стали подтягиваться участники «тотализатора». Устроитель что-то объяснял, давал читать какие-то листочки, видимо с описанием «жутко ядовитой жидкости», принимал ставки. Принимались они на одно, после какого по счёту стакана яда, бледнокожий самоубийца откинет лапки. Судя по записям на доске, начальные ставки были распределены следующим образом: На то, что беломордый откинет лапки после первого стакана, почти никто не поставил. Ставки на второй стакан, делились примерно поровну. А вот ставки на третий стакан радовали, все были уверены, что Веник после третьего стакана не выживет. Про четвёртый стакан, не велось даже речи.

В общем всё получилось как надо. Наливал стаканы Венька, конечно не полностью, только по 100 граммов. После каждого выпитого стакана, Веник мастерски изображал почти агонию. К четвёртому стакану, ставки выросли до небес. Веник выпил и его, встал и пошёл пошатываясь к двери. Витька выхватил у хозяина свою долю валюты, догнал Веника на улице, и подхватил того на руки, когда тот собрался улечься посреди улицы.

Вернувшись в особнячок, Сом вывалил на стол кучу валюты, затем оттаранил Веника в одну из комнат. Бойцы между тем, уже поделили свои обязанности, и разбежались кто куда. К вечеру все вновь стянулись в особнячок. Наташили выпивки, вкусной еды, и даже успели перезнакомиться с местными красотками, которых также привели на междусобойчик. Не забыли и про Веника. Выделили ему самую красивую, и единственную белокожую девушку. Завели её в комнату, где тот отсыпался от трудов праведных, попытались его растолкать, но не вышло. Девушка, которую звали Жюли, всех вытолкала вон, знаками объяснив что нефиг им больше здесь делать.

Утро выдалось жутким. Проснулся Веник от страшной сухости во рту. Попытался подняться, увидел что в постели не один. Рядом пристроилась светлокотая брюнетка, сладко посапывая под боком. Венька постарался осторожно высвободиться. Не вышло. Брюнетка потянулась, повернулась к Венику, оплела его руками.

– Но-но! Не балуй. – Проскрипел Веник пересохшим ртом.

Девушка послушно отстранилась, накинула на себя какую-то тряпочку, и выпорхнула в дверь. Кряхтя, и матерясь вполголоса, Венька кое-как оделся, и вышел в общий зал. Там уже собрались все, и потихоньку оттягивались, кто пивком, кто соком. Заметив вышедшего, подтянулись к нему, стали забрасывать его вопросами, высказывать одобрения... В это время вновь появилась девушка, уже одетая и подкрашенная. Все примолкли. Девушка легко подбежала к Венику, чмокнула его в щёку, утёрла пальчиком, оставшийся след от помады. Что-то прощebetала, и выпорхнула во входную дверь.

Опять посыпались вопросы, восторги, комментарии. Звуки в ушах Веника, как-то стали, то приглушаться, то становиться опять резкими. Краски стали какими-то расплывчатыми и блёклыми, и Венька потерял сознание.

Вновь Веник очнулся уже в госпитале в Союзе. Врачи рассказали ему, что вначале его в санчасти советской военной базы с того света вытащили. Потом уже сюда попутным бортом переправили, и уже здесь, над не приходящим в себя Веником, три дня шаманили. Ещё сказали, что спасло его дикое количество алкоголя в крови, он замедлил течение болезни, иначе и до санчасти бы не дотянул.

Из-за заражения крови, и дикой, почти смертельной температуры тела, разладилась работа каких-то важных органов, и комиссовали Веника из армии вчистую. Перед выпиской, пришли его навестить, уже бывшие боевые товарищи. Среди обычных в таких случаях, фраз поддержки, вдруг вылез голос Витьки Самохина:

– Веник! Иблисов сын! Колись что с Жулькой сделал?! Всю неделю к нам ходила, сама не своя. Сначала по дому, как привидение шарахается, потом забьётся в уголок, сидит и поскуливает, ну чисто щеночек масенький, – «Вени-и-и-ик! Вени-и-и-ик!».

Бежали годы. Разными они были в жизни Веньки, бывшего разведчика и диверсанта, с боевым прозвищем «Веник». Были плохие годы. Были очень плохие. Были такие, что казалось бы уже хуже и некуда. А бывали минуты, когда казалось что всё... Край... Хватит.

Именно в такие минуты, Венька вдруг застывал на мгновение. Взгляд его затуманивался. Губы трогала лёгкая улыбка. И вновь вспоминалась ему та душная ночь в Аддис-Абебе, и прекрасная девушка со сказочным именем Жюли...

СНИМОК

На стене над диваном, в простенькой деревянной рамочке висел чёрно-белый снимок. Фотограф случайно поймал момент, когда Она увидела кого-то за его спиной, махнула ему рукой и весело засмеялась. Светлые волосы растрепались от ветра, подол ситцевого сарафанчика облепил её ноги, а яркая улыбка и призывный жест руки, как будто кричали – «Ну что ты там стоишь?! Иди скорей сюда!».

Он смущённо топтался у порога, понимая, как нелепо он выглядит в своей дешёвенькой старой болоньевой куртке и кургузых индийских джинсах. Не делая попытки пройти дальше, он смущённо забормотал:

– Это... Завтра мне в армию уходить, – при этих словах он стянул со стриженной «под ноль» головы, цигейковую шапку. Смешно оттопыренные уши налились пунцовой краской, – Вот зашёл попрощаться. Ещё сказать хотел... давно хотел, но всё как-то никак... ты мне с первого класса самого, очень нравишься. Можно я писать тебе буду? Ты не думай, я не прошу чтоб ты отвечала. Я рад буду, если напишешь. А если нет... то тоже ничего. А ещё фотографию хотел попросить. Я видел, когда у тебя день рождения был. Я случайно попал. Меня товарищ привёл, а ты не заметила. Ты тогда альбом показывала. И там фото. Как на стене, только меньше. Можно?

Она достала из серванта фотоальбом, быстро пролистав его, нашла нужную фотографию. Подошла к нему, и передавая снимок, неохотно предложила:

– Может быть пройдёшь? Расскажешь как вы тут, в деревне. Я год здесь не была, отвыкла уже.

– Нет, что ты. Меня дома ждут. Дядья собрались, родня всякая. И тебе мешать не хочу. Пойду я.

Он писал ей почти каждый день. Ночью закрывался в умывальнике, ставил перед собой её фотографию и описывал как проходит его служба. Если был в карауле, то писал или под грибком, в свете раскачивающегося от ветра фонаря, или в карпومه, когда его смена ложилась спать. Он никогда ей не жаловался, старался описывать всё в шутливой форме. Он мечтал что однажды напишет так хорошо, что ей захочется вдруг ответить ему. Чтобы не помять и не испачкать её фотографию, он уговорил штабного писарчука закатать снимок в пластик. За работу он отдал писарю единственное своё богатство – часы подаренные дядей. Но не жалел ни о чём, ведь теперь даже сырость не могла испортить её изображение.

Когда после учебки их перебросили в Афганистан, он писал ей про горы. Какие они красивые в разное время суток и года. Писал про быстрые холодные реки в ущельях. Смеялся, описывая ишачка Ваську, приблудившегося на их блокпост. И про толстую, старую и беззубую эфу, которую они с ребятами подкармливали разведённой сгущёнкой, и ловили для неё тараканов.

Но однажды он не смог ей больше писать. В тот день Он подорвал себя гранатой, чтоб не попасть в плен. Но предварительно спрятал снимок под камень.

Моджахеды равнодушно проходили мимо истерзанного трупа. Переворачивали пинками трупы других солдат, осматривая не осталось ли чего ценного. Молоденький пуштун случайно задел камень, под которым лежала фотография. Озираясь по сторонам, чтоб не заметил кто-нибудь из старших, схватил снимок и спрятал его под халат.

На привале его поставили в дозор на горном склоне, и пока солнце не спряталось за вершинами гор, он вынул фото и стал его рассматривать.

– Всё же красивые женщины у гяуров. Зачем нужна эта война? Вот до войны, сын старосты их деревни уехал учиться в СССР. Женился там и остался жить. Я бы тоже смог. А может быть и с этой девушкой, что на фотографии, встретился бы. Хотя, если бы не война, то гяур

который взорвал себя гранатой, был бы жив. И если эта девушка так ему улыбалась, то у них всё было бы хорошо.

Он не успел додумать свою мысль. Чья-то сильная жёсткая ладонь зажала ему рот, и холодная острая сталь ножа пронзила его сердце.

– Ну-ка чурек, что ты там разглядывал, – произнёс молодой мужчина в камуфляже, поднимая залитый горячей кровью снимок. Обтёр его о халат мёртвого пуштуна, взглянул, – Фотография! С кого-то из наших снял, сука! – затем сунул снимок в карман разгрузки.

Прошло много лет. Двое мальчишек шли по улице после уроков. Оба только недавно переехали в это село. У одного отец, выйдя на военную пенсию, купил здесь дом. А у другого мать, похоронив бабушку, осталась жить в родном доме.

– А правда что твой отец воевал в Афганистане? – спросил один.

– Да. Он там от командира взвода до командира десантно-штурмового батальона дослужился. Если хочешь, давай зайдём. Я покажу тебе награды, отец не запрещает мне их трогать.

В доме мальчишки долго перебирали боевые ордена и медали, затем стали рассматривать фотоальбом. На одной из страниц, среди фотографий однополчан владельца альбома, лежал чёрно-белый снимок с улыбающейся девушкой.

– А почему эта фотография здесь? – спросил один. Затем приглядевшись, охнул, – Ой! Это же моя мама! У нас на стене точно такая же фотка висит! Только размером больше! Можно я возьму её, чтоб маме показать?! А завтра верну!

Вечером Она разглядывала закатанную в пластик фотографию. Она лишь смутно помнила, как подарила её своему однокласснику, ушедшему в армию. За эти годы в её жизни было столько событий, что она совершенно забыла о том странном случае, и о смешном лопухом пареньке.

– А ведь он обещал писать мне, – вспомнила Она, – если он писал, то мама обязательно сохранила его письма.

Среди старых вещей Она нашла большую стопку писем в серых армейских конвертах. Всю ночь и весь следующий день она читала их, охая над описаниями горных вершин и стремительных рек. Смеясь над проделками игривого ишачонка, и сочувствуя старой беззубой змее. Иногда она начинала тихо плакать, роняя слёзы на пожелтевшие страницы. Ведь она всю жизнь мечтала встретить того, единственного и любящего, и не рассмотрела. А он любил её тихо и беззаветно где-то в дальнем далеке, разглядывая её снимок. И думал о ней, царапая огрызком карандаша письмо, в свете едва тлеющей аккумуляторной лампочки.

На следующий день раздался стук в дверь, и в комнату вошёл высокий седой мужчина. Он не проходя дальше, топтался у порога, растерянно бубня:

– Это... Мне сын рассказал, что хозяйка фотографии нашлась. Вы не подумайте чего плохого, я её у духа забрал. А он видимо с тела одного из наших бойцов взял. Их двенадцать было, мальчишек тех. Я искал чья это фотка, даже домой каждому писал, но никто не знал. Так она у меня и хранилась.

Шайтан и Калуга

Сёмка Калугин, не был плохим солдатом. Был бы плохим, не пережил бы штурм Грозного. Хотя и схлопотал он тогда осколок и контузию, от взрыва мины. Отлежал своё в госпитале, и снова в свою часть вернулся.

Сейчас его взвод, на блокпосте стоял. Хороший блокпост, спокойный. Деревни вокруг мирные. В ближней деревне кафе есть. Где шашлыки вкусные делают, так контрабасы иногда ходят туда, когда минобороны зарплату перечисляет. Сёмка тоже ходит туда, он тоже контрактник. Никогда он не хотел кадровым военным стать, но вот пришлось. Первый год он как и все, мечтал домой вернуться. В голубом берете, в камуфле с акселями. А вот когда в отпуск съездил после ранения, оказалось что возвращаться-то ему и некуда. Деревня, в которой он вырос, и до Сёмкиного призыва на ладан дышала. Колхоз давно уже развалился, фермы порушили, технику растащили. Клуб, в котором раньше и дискотеки проводили, и в котором библиотека была, тоже разломали и растащили. Даже школу, которую Сёмка успел закончить, и ту закрыли.

Из родителей, у Сёмки только мать была, отца он и не помнил совсем. Так мать к себе сестра Сёмкина забрала. В город. Муж её, зять Сёмкин, успел ещё при советской власти квартиру получить, в неё мать и забрали. И Сёмка в отпуск туда приехал. Квартира хорошая конечно, двухкомнатная. И санузел раздельный. Но тесновато. Сестра, зять, трое детей ихних, да мама Сёмкина. Когда Сёмка приехал, на ночь для него в коридоре раскладушку ставили. Вот и понял Сёмка, что ехать-то ему и некуда. В деревне работы нет, а в городе... А что в городе? Там профессия нужна. А Сёмка только одному успел научиться, – воевать. Но не только из-за этого Сёмка контракт подписал. Даже не столько из-за этого. Главной причиной, что Сёмка на сверхсрочную остался, – это Шайтан. При чём здесь татарский чёрт? А это и не чёрт вовсе. И не татарский. Собачёныш это, который к Сёмке полгода назад прибил. Овчарка между прочим...

– Калуга!!! Ёш твою в меть!!! Опять на массу давишь! – Громкий шёпот, вырвал Сёмку из задумчивости. Это сменщик его, он пришёл Сёмку на посту сменить. Ну а вы наверное поняли, почему Сёмку распиздяем считали? Не поняли? Задумывался он часто. Причём в самое неподходящее время. Нет, вы плохого не подумайте. Службу он исправно тасил. На старом блокпосту, вовремя тревогу поднимал пару раз, отбивались от чехов. А вот проверки всякие, регулярно его врасплох заставляли.

– Зёма! Опять ты на пиздюлину нарываешься! Ну мечтал бы, в блиндаже, на здоровье! Нахрена на посту-то?! – Это Пиф переживает. Корешок Сёмкин. Не земляки они вовсе. Пиф, вообще татарин, а вот сдружились. Почему он, – Пиф? Рифкат его звать. Рифкат Самигуллин. Сокращённо Рифкат, – Риф. Но ребята, первую букву его сокращённого имени, на английский манер называют. Вот и получилось, – Пиф. Кстати, собачёныша, Шайтаном назвал Пиф, когда он его новые берцы изгрыз. А когда генерал проезжий, приказал Шайтана пристрелить, то Пиф со своим ПК, из блиндажа вышел. Ленту стал проверять. Ну мало ли? Может как подавалась проверил? А Сёмка, в две эфки запалы вкручивал. Тоже проверял. А ну как в бою плохо вкручиваться будут?

Гранаты Сёмка любит. Когда после учёбки, в часть попал, его два дембеля сильно избили. Так он дождался когда в палатке они только троём остались, и у РГДэшки кольцо выдернул. Один дембель обоссался. А второй «Ма-а-ама» кричал. Тоненько так. Они же не знали что граната учебная.

– Иди отоспись. Завтра у Матюхи дняха, он у ротного отпросился, в кафешку ходим. – Матюха, это Димка Матюшев, тоже дружан Сёмкин.

После обеда пошли в деревню. Вшестером. Сёмка, Пиф, Шварц, Матюха, Ворона и Шайтан. Шварца так зовут, здоровый потому что, как шкаф полутораспальный. Не бывает таких

шкафов? А Шварц такой. У Вороны, фамилия Воронин потому что. Ну а Шайтан... Шайтан потому что.

В кафе шашлыка заказали. Ну и водки по двести грамм, для начала. Контрабасы же. Пятеро. А Шайтан, так тот вообще, – вольнонаёмный. Но ему водки не положено. Да и никто выпить не успел. Перед кафе придурок нарисовался, в рай попасть желающий. Вне очереди. Сёмка спрашивал однажды у Пифа, с какого хрена, по ихней вере, за убитых солдат, – в рай выпускают. Придурков всяких. Пиф не смог ответить. Ну вот. А тут придурок, целых пять солдат увидел. Пять раз в рай собрался? Швырнул гранату в окно, тот придурок. А Сёмка, он ведь любил гранаты. Вот и прыгнул на неё. А ещё Сёмка думать любил. Лежал и думал. Целых три секунды. Сначала вспомнить старался название книги, которую брал в библиотеке, в клубе, который сейчас на дрова растащили. Фразу смешную, он в той книге вычитал, – «... за други своя...». Не вспомнил названия. Потом подумал, что так оно лучше. Ему-то ехать некуда было, а ребятам было куда.

А Шайтан ничего не думал. Он просто Сёмку любил. Решил что играет он с ним. Подскочил, носом тыкаться стал.

Почти все осколки, Калуга в брюхо принял. Но пара вырвались. И один, точно в сердце Шайтану попал. Так они и лежали вдвоём на заплёванном полу, – Шайтан и Калуга.

Тайга

Мишка собирался на профиль. Упаковал необходимый инструмент и запчасти, закинул в старенький сидор сухпай. Скрипнула дверь, в вагончик заглянул начальник партии.

– Михайла, ты собрался?

– В принципе да.

– Слушай, такое дело... Бензовоз на профиль нужно гнать.

– Серёга не продолжай. Сразу нет. Давно уже обговорили. Я сажусь только на ГТСку, и только в крайнем случае.

– Чё сразу нет-то?! Дослушай сначала. Не водилой ехать прошу. Водила есть, неплохой вроде парень, но проработал неделю всего. Опасаюсь я. Да и с картой он совсем не дружит.

– Ну Серёг ты подсуропил! На ГТСке я к вечеру, уже б на месте был, а на этой бочке больше суток тилипаться.

– Да ладно тебе, Миш. Прокатишься, с водилой потрепишь. Он кстати за Речкой побывал, Красную Звезду имеет. Найдёте общие темы.

Бензовоз стоял за вагон-городком. Под его капотом копался черноволосый, поджарый паренёк.

– Привет мазуте! – Подойдя, поздоровался Мишка.

Паренёк пружинисто прыгнул с бампера.

– Наглой интеллигенции, взаимный привет. С левой резьбой и закруткой на спине.

– Хе! Наш человек, сработаемся.

Парни пожали руки друг другу, представились. Водилу звали Сергеем.

– Как аппарат, Серёг? Проковыляет 400 вёрст?

– Не обижай технику. Аппарат – что надо. Я сейчас переоденусь, и тронемся.

Через некоторое время Сергей вернулся. На нём была выцветшая добела, заштопанная во многих местах «песчанка».

– Память о Средней Азии? Или южнее?

– И то, и то. Служил под Ташкентом, но с двумя «нитками» и Речку переезжал. Она у меня счастливая. Здесь хоть и не Гиндукуш, но решил одеть.

Первые километров 150 дорога была вполне приличной, ехали со скоростью 50—60 километров в час. Затем свернули на разбитую лесовозами, лесную дорогу. Скорость сразу упала.

– Серёга сказал что «Звёздочку» имеешь? Расскажешь?

– Есть такая цацка. – Серёга белозубо рассмеялся. – Мне её за трусость повесили.

– Это как?

– Да я и помню-то всё как в тумане. Когда шёл со второй «ниткой», её духи «подрезали». Я на наливняке шёл, когда взрывы, выстрелы начались, я из кабины выскочил. Пока очухался, вокруг ад сплошной стоял. Наливняки горят, в «бардаках» и «бэтрах» боеукладки рвутся, духи со склонов стреляют. Наши им отвечают, но жиденько. Смотрю, «бэтр» недалеко притулился, на вид вроде целый. Удачно он встал, сверху валун навис, а позади наливняк с солярой горит, всё дымом заволокло. Ну я пополз к нему, десантный отсек пустой, а мехводу грудь разворотило пулей от ДШК. Я водилу вытащил, сам на его место прыгнул. Прошёл вдоль «нитки», парни кто живой остался, в «бэтр» попрыгали. По дороге не пробиться было, так я под откос спустился, и по руслу ручья километров 15 прошёл. Повезло. 14 парней со мной вырвались, все рваные, живого места ни на ком нет. А у меня ни царапины. С нами полковник какой-то был. Шишка какая-то важная. Вот он, когда в госпитале отлежал, мне «Звёздочку» и выбил. Я не ношу её, стыдно. Сколько ребят погибло, остальные израненные все, и им ничего. На мне ни царапины, не выстрелил ни разу, а мне орден. Не честно.

– Вот дурья башка! Ты четырнадцать человек спас! За это Героя давать надо.

– Говорю же, от трусости это. Свою шкуру спасал, заодно и остальных получилось...

Долго ехали молча. Дорога то ныряла в распадки, то взбиралась на увалы, то петляла вдоль речушки, следуя её прихотливым изгибам. Изредка попадались деревни, раскинувшиеся вдоль речек. За одним из поворотов, впереди показалась человеческая фигура. Человек, заслышав звук мотора, отступил с дороги на обочину. Стало возможным рассмотреть его. Это был пожилой мужчина, лет 60—65ти, одет по-крестьянски – косоворотка, пиджачок, брюки заправлены в яловые сапоги.

– Миш. Возьмём попутчика?

– Конечно, Серёг. Дяденька пожилой уже, а от нашего ЗИЛа не убудет.

Машина остановилась возле мужчины. Михаил открыл дверку, заговорил:

– Здорово, отец. Куда путь держишь?

– И вам здоровычка, и дороги доброй, сынки. А сам-то я у племянника, в Вознесенке гостевал. Теперь вот домой, в Карповку иду.

– Ну даёшь ты, батя! От Вознесенки досюда 15 вёрст, и отсюда до Карповки ещё 20. Что ж, машин-то не было попутных, что ли?

– Отчего ж не было? Были. Лесовозы проходили, две легковушки проехали то ж.

– А чего не голоснул?

– Зачем? Если людям некогда, али местов нету, так голосуй не голосуй – не возьмут.

А если могут подвезти, так сами остановятся. Вы же остановились.

Миша вылез из машины, дождался пока сядет попутчик, сел сам. Парни представились.

– Ну а меня Степаном кличут. Отца Иваном звали. Так что, сынки, можете меня хоть дядькой Степаном, хоть Иванычем называть. И так и так – гоже.

Тут же заговорил Сергей.

– Дядь Степан, мне вот всегда интересно, откуда названия сёл пошли. Вот Вознесенка понятно, церковное что-то, С Ивантеевкой тоже ясно. А вот Карповка? Озёра есть, что ли? Где карпы водятся.

Иваныч заулыбался в бороду.

– Хорошо это, что интересуешься. Не равнодушный значитца. А Карповка-то... Предок мой её основал. Карп Нилыч его звали, отсель и название села пошло.

– Вот я тормоз! Я и забыл что на Руси имя такое было.

– Нет в том страшного ничего, сынок. Это когда я мальцом был, время медленно тянулось. Зимами рассказы слушали дедушек да бабушек, запоминали всё. А нынче время не бежит даже, – летит. И упомнить всё невозможно, не в силах то, человеческих. Главное что неравнодушные вы. Вот остановились, подъехать предложили. Не корысти ради, али интересу какого, а по доброте душевной. Значит на месте она, душа-то. И деток своих вы такими же вырастите, чистыми да светлыми.

Серёга засмеялся.

– Не-е-е, отец! Нам про деток рано ещё задумываться.

– Ошибаешься сынок. Вижу я... – Тут из под лохматых бровей Иваныча, высверкнули пронзительно синие, совсем не стариковские глаза. – У Михайлы вот, растёт уж сыночек-то. Большенький уж. Да и у тебя Серёжа, детки не за горами. Но у тебя девчушка первой будет.

Мишка отвлёкся от своих мыслей.

– Нету никого у меня, Иваныч. Некогда было. Да и не с кем было детей заводить. Сначала армия, теперь вот по Уралу да Сибири четвёртый год мотаюсь.

– Ведомо мне то, Михаил. Поколотила тебя судьба изрядно. И ещё хлебнёшь ты горюшка полной чашей. Только ведь и светлые минутки у тебя были, а от тех минуточек детки и появляются. Не может счастья понять, тот кто горя не изведал...

– Дядь Степан! А дядь Степан! Ты ведун что ли? Или с лешаком в родстве состоишь? Ну, блин! Если в ближайшие два года у меня дочка появится, точно Степанидой назову!

Все трое рассмеялись.

– Стёпка значитца... А чего ж, хорошее имечко. Дразнить конечно будут, но девчушка будет боевая, постоит за себя. Мишань, ты ему через год напомни про обещание!

Опять похохотали.

– У тебя, Серёжа, всё хорошо будет. И жена красавица, которая через два поворота отсюда ждёт тебя, и Стёпка родится красавицей и умницей, и остальные детишки тебе под стать будут. А медальку ты свою носи, не стесняйся. Ты ведь не четырнадцать душ спас. Намного больше. У одиннадцати из них детишки будут, которые добрым словом водилу поминать станут, который их папок с того света выволок.

– Серёга раззявил рот, в тщетной попытке что-то сказать.

– Помолчи сынок, помолчи. Мне с Михайлой покалякать надоть. Ты, Миша, как в деревню заедете, остановитесь у третьего дома с краю. Хозяину привет передай от меня, да на ночлег напроситесь. Любаше не отказывай, нет в том греха. По уреме бросай бродяжить, не вернётся уже наваждение то, не бойсь. Не скоро, но и у тебя наладится всё. Серёженька, будь ласков, останови за поворотом. Спасибо вам, сыночки.

Подъехав к огромному, рубленому из вековых сосен, стоящему третьим от околицы дому, машина остановилась.

– Миша. А что это было, а?

– А это, Серёга, тайга уральская. Здесь много чего и кого имеется. Не надо и допытываться, делаем как сказано.

В это время отворилась калитка, вышел мужик лет 50ти.

– Здоровы были, ребятушки. Случилось чего? Али просто водицы испить прихотелось?

– Здравствуйте. Нам Степан Иваныч посоветовал на ночлег к вам попроситься, и привет вам передать просил.

– За приветы благодарствую. На ночлег тоже милости просим, Степан Иваныч плохого не присоветует. – Хозяин обернулся во двор, громко сказал: – Любаша! Надюша! Соберите-ка на стол, доченьки. Вечерять будем, гости у нас...

Пролетело три месяца. Наступила осень.

Отворилась вагонная дверь, вошёл Сергей.

– Миш, ну чё? Даёт начальник ГТСку?

– Куда ему от тебя деваться?

– Ой! Да ладно! Люба ведь тоже тебя ждёт.

– Ладно. Проехали. Серёг, у тебя с Надей серьёзно всё?

– Куда серьёзней-то? Вахту добьём, и к маме её повезу. Знакомиться.

– Отлично. Значит сегодня никуда не поедем.

– ???!!! Ты чё???!!!

– Осторожнее. Глаза выпадут. За неделю тебе на моём месте освоиться надо. Через неделю к концу вахты, прилетишь к Надюшке в голубом вертолёте, как тот волшебник, свататься. Серёга в курсе. Он и сватом будет. Потом Надюшку техником-вычислителем примут. Жить будете в этом вагоне.

Серёга кинулся в пляс. Вдруг резко затормозил.

– Миш! А ты!

– А я улетаю завтра. Батя приболел, надо домой возвращаться. Дядя Степан правильно сказал, пора с тайгой расставаться.

– А я?! А свадьба?! А Люба?

– Всё. Со всеми. Будет. Хорошо.

Прошёл ещё год. Мишка с оказией, получил письмо от Сергея.

Миша!!! Здравствуй!!!

Случайно, на вокзале, познакомился с человеком. Оказалось что он хорошо тебя знает, обещал передать тебе письмо. У меня всё здорово! Три месяца назад, Надюша родила девочку, назвали Степанидой, как и обещал. Получил квартиру в Свердловске. Забрали к себе Любу. Они вместе с Надей рожали. Родила мальчика. Назвала тоже Степаном. Степаном Михайловичем... Мишка, ты гад! Недавно у нас гостил тесть. Я пристал к нему с расспросами, кто такой Степан Иванович. Сказал что сроду не знал никого с таким именем-отчеством... Миша!!! Что с нами было???

Пишу свой адрес. Обязательно приезжай!!! Если не приедешь, найду и морду набью. Потом обниму, расцелую, и снова набью!!! Миша!!! Огромное тебе спасибо!!!

Волки

По расчищенной просеке профиля нёсся ГАЗ-66.

Вокруг высилась вековая урема, в которой никто не хозяйничал многие сотни лет. Мишка разговаривал со старожилами этих мест. По их рассказам, этот участок тайги размером около 50 на 80 километров издавна пользовался дурной славой. Когда-то, ещё при Строгановых, здесь была деревушка углежогов, но как-то в одночасье в один из дней, все двести душ составлявшие население этой деревушки исчезло. Так с той поры и прижилось за этим участком тайги название, – Чёртово урочище. Даже всесильная Советская власть, обошла стороной это место. И только сейсморазведочная партия нарушила вековой покой тайги. Вначале прошёл топотряд, отметив вешками профиля. За ними прошли два «Катерпиллера» с бригадой лесорубов, пробив через Чёртово урочище просеку. И наконец сегодня с утра, по проложенному профилю проползли сейсмовибраторы с сейсмоотрядом.

Плохое место не оправдало своего названия, никакой чертовщины не произошло. Но уже вечером, когда большинство сотрудников сейсморазведочной партии разошлось и разъехалось на предстоящие выходные и праздники, начальник вызвал Мишку.

– Мишань, дело есть. Раздолбаи подмотчики, кабель с пауками на профиле забыли. Рабочие все уже по своим деревням разъехались, и за нами через полчаса вертушка прилетит. Ты так и так, дежурить остаёшься. Сгоняешь на «шишиге», подмотаешься? На завтра уже сильные снегопады обещают, завалит если, то после выходных бульдозеры туда опять гнать нужно будет. План к хренам полетит, квартальную премию не получим. А я тебе человечка оставлю водилой. Сделаешь, а?

– Сделаю, куда деваться. Только я на этом профиле не был, карту засвети.

Серёга раскинул на столе карту, с обозначенными на ней профилями.

– Видишь, здесь 15 вёрст по водоразделу идёт, овраг на овраге. В одном из них подмотчики и забыли кабель. Подмотались с одной стороны, объехали, подмотались с другой. А из оврага кабель не вытащили.

– Действительно раздолбаи. И место подобрали, – самый центр Чёртова урочища!

Серёга рассмеялся:

– Мишань, а ты чё, в сказки веришь?!

– Верю или не верю, это не важно. Главное их не множить. Карабин оставь на всякий случай. Вдвоём в тайге, без связи. Это чревато.

Серёга замаялся, виновато потупив взгляд.

– Мишань. Дык. Это. Нету карабина-то. Замначальника треста выпросил на праздники, на охоту собрался.

– Раздолбаи не только у подмотчиков водятся. Рыба с головы гниёт.

В это время раздался гул подлетающего МИ-8, из вагонов вывалили «пассажиры», потянулись в сторону посадочного пятачка. Начальник так же быстренько подхватил баул, и быстренько потрусил в сторону вертушки.

Мишка сидел за столом, разглядывая карту. Машинально запоминал ориентиры, расстояния и направления до населённых пунктов и дорог. Открылась дверь, вошёл молодой паренёк.

– Миш, меня начальник с тобой оставил. Когда поедем?

– Щас и поедем. Только пожрать чё ни то с собой покидаю.

– А зачем? Недолго же. Час туда, час обратно. Ну, там ещё час. К девяти на базу вернёмся.

– Ты позагадывай ещё! Ещё дедами и прадедами сказано, идёшь в лес на день, еды бери на неделю. Дуй давай, заводи колымагу!

По расчищенной просеке профиля нёсся ГАЗ-66.

– Тимур, сбрось скорость!

Парнишка, блестя белозубой улыбкой, закричал в ответ:

– Не ссы, Миша! Я здесь весь день катался, просека ровная как автодром!

Не успел Мишка ответить, что впереди первый овраг. «Шишига» протаранив метра три снега, уткнулась бампером в дно оврага. Мишка, успевший раскорячиться и расклинить между капотом и дверкой, очухался первым.

– Шумахер, бя! Живой ли?!

Водила лежал грудью на баранке, бессмысленно тараща глаза в ветровое стекло, заваленное снегом.

– Жи-ивой вроде.

– Рёбра о баранку не поломал? Дышишь нормально? Не болит ничего?

– Не-ет.

– Ну, сука! Вернёмся на базу, я те устрою полёты «Во сне и наяву», сволочь!

– Я же здесь весь день ездил...

– Оболтус! Ты гружёный днём ездил!!! Не за спидометром следить надо в лесу, а за ориентирами!!! Выползай давай!

Сначала Мишка попробовал открыть свою дверку. Не поддалась. Тимур потолкал свою, с тем же успехом.

– У тебя в будке лопата есть?

– Вроде была.

– В грузовом или пассажирском отсеке?

– Ага!!! Вспомнил! В грузовом! В кронштейнах закреплена!

– Клаустрофобией не страдаешь?

– А? Чем? Чё это?

– Ладно, проехали. Короче, я сейчас окошко открою, через него выползти постараюсь. Сильно глубоко не должны были под снег уйти. Метра полтора, максимум два. Внизу снег сыпучий как песок, заваливать кабину будет. Не паникуй, до конца не засыплет. Когда вылезу, лопатой и тебя откопаю.

Повозившись как червяк в тесном пространстве, снял полушубок, оставшись в свитере. Покрутил ручку, приоткрыв стекло, в него тут же потекла шурша как песок, снежная крупа.

– Хреново. Если сильно глубоко, может завалить в кабине, к херам. Забьёт нос, так и откинешься здесь.

Ручеёк из снежной крупы иссяк, образовав вокруг щели небольшую полость. Мишка приоткрыл окно ещё немного. Так повторял операцию, пока в кабину не насыпалось почти до половины снегу, и почти полностью не открылось окно. Очень осторожно вылез в образовавшуюся полость, встал обоими ногами на обрамление окна. Сориентировался, и с силой выпрямился, одновременно утрамбовывая вокруг себя, уже рыхлый снег. Кисти рук вынырнули на воздух. Мишка, уже осторожно утрамбовал снег вокруг себя, сделав нечто вроде колодца. Затем стал не спеша подниматься выше. Встал на ручку открытия двери, продолжая трамбовать снег, поднялся выше. Затем нащупал ногой петлю двери пассажирского отсека. Постепенно вылез на свет целиком. По-пластунски дополз до грузового отсека, нашёл лопату. Подползя к кабине, целиком ушедшей под снег, закричал:

– Эй!!! Шумахер!!! Жив ишшо???

Глухо как из могилы, донёсся ответ:

– Пока да!!!

– Закрой окно, и жди!

Дальше, с лопатой, было проще. Откопав водительское окно, принял свой полушубок, сидор, и помог вылезти водителю. Уже смеркалось. Развели на просеке костёр, Мишка обсушился, перекусили. Вокруг окончательно стемнело.

– Ну что, Шумахер. Ждёт тебя незабываемое путешествие по ночной тайге, на расстояние в 15 километров. Там дорога между Сосновкой и леспромхозом, хоть туда, хоть туда, ещё 5 вёрст. Итого 20. К утру доползём, чай.

– Миш, а чё не по профилю? Или утра дожждаться, и днём дойти?

– По профилю втрое дальше. А утром снегопад обещали. Если буран заметёт, то уже хрен куда придёшь, по рыхлому снегу, да без лыж. А сейчас наст есть, хоть и не везде. Ты давай канистру с бензином приготовь, лямки к ней как к рюкзаку пришпандорь. И пару факелов сделай.

– А зачем факела?

– Мало ли... Меньше болтай, шевелись.

Парень занялся делом, Мишка меж тем одел полушубок, опоясался поверх него ремнём с ножом, проверил сидор. Водила всё не унимался:

– Миш, а здесь медведи есть?

– А как же без них-то? Есть конечно. Спят они сейчас.

– А волки?

Парнишка, сам того не зная, коснулся темы которая терзала Мишку уже час. Недавно, краем уха он слышал рассказы о диковинной стае волков, которые не боялись ни огня, ни людей. Внаглую врывались в деревню, грызли дворовых собак, резали домашнюю скотину, если попадалась. И последние слухи про эту стаю, как раз были из Сосновки.

– И волки есть. Но про них больше сказок рассказывают, чем на самом деле. Чтоб они на человека напали, бескормица сильная должна быть, мыши должны пропасть. Пока мыши есть, нафиг им не нужно с человеком, или другим крупным животным связываться. Ну а на крайняк, ты канистру с бензином тащишь, и факела приготовил.

Шли уже больше двух часов. Погода, как всегда перед ненастьем радовала. На небе висела огромная, яркая луна и ярко сияли звёзды. Слегка пощипывал нос и щёки морозец. Шагалось конечно не как по бульвару, но пока вполне терпимо, процентов 70 пути приходилось на прочный наст, который легко держал человека. Автоматически сверяя направление с Полярной звездой и выбирая путь. Мишка размышлял:

– Вот потому волки и взбесились. Оттепель была сильная, а потом ударил мороз, образовался прочный наст. Мыши под ним в безопасности, а у серых бескормица. Но не бояться огня??? Не может зверь против своей природы пойти. Хотя... Слышал я про случаи, когда одичавшие собаки вожаками стай становились, тогда они и стаю заставляли против волчьей натуры идти. Другой вариант, что могла стая из метисов образоваться. Слюбилась волчица какая ни то с деревенским Полканом, вот и готова стая полусобак-полуволков.

Над головами промелькнула серая, быстрая тень. Тимур испуганно охнул. Мишка ухмыльнулся:

– Не бойсь. Филин это, или сова. Тоже мышкует. Ладно не лето, а тоб ты и от летучих мышей каждый шаг шарахался. Ты вообще-то откуда сам?

– Из Челябинска.

– Понятно. Чисто городской небось? Деревья только в парках видел?

– Типа того. В турпоходы ходили в школе только. И даже в армии, в степях служил.

– Это в каких степях-то? Казахстан?

– Не. В Оренбуржье, под Тоцком.

– Хе! Знакомые места. Доводилось и мне в Тоцких лагерях бывать!

– Так туда вроде «партизан» сгоняли, на переподготовку. А ты вроде как молод для «партизана».

– Ну, кого-то для переподготовки туда сгоняли, а кого-то на боевое слаживание отправляли. Ну да это не суть. Главное ты теперь себя настоящим уральцем считать можешь! А то

даже как-то неприлично, жить в самом сердце Урала, и ни разу по-настоящему тайги уральской не понюхать.

– Это да! Всю жизнь помнить буду!

Так, за разговорами вышли на дорогу. Луна всё ещё светила ярко, хотя её всё чаще заслоняли пронесившиеся ошмётки облаков. Морозец заметно ослаб, поднялся небольшой ветерок.

– Однако во-время мы на дорогу вышли. Через пару часов буран поднимется.

Вдруг Мишка резко остановился. Зашептал:

– Тимур! Готовь факела! Быстро!

Впереди, метрах в ста, на дороге стояли шесть серых теней. Чуть выдаваясь вперёд, стоял силуэт раза в полтора крупнее остальных. Мишка опять заговорил вполголоса:

– Приготовил? Не вздумай убежать! Догонят и в клочья порвут! А так, есть шанс. Подожжёшь факела по моей команде. Понял?! Теперь идём вперёд. Медленно, без резких движений.

Люди медленно пошли по дороге. Мишка плавно вынул клинок из ножен, медленно растегнул ремень, аккуратно опустил его на землю, не переставая сближаться с волками. Подойдя метров до тридцати, Мишка скомандовал:

– Тимур, поджигай!

Уже с пылающими факелами, люди продолжили идти вперёд. Звери стояли не шелохнувшись, лишь в зрачках отражались ярко-багровые отсветы огня, и на загривках поднималась дыбом шерсть. Внезапно молоденькая волчица, заскулив чуть слышно, попятилась от наступающего пламени. Вожак, не оборачиваясь, оскалил клыки и грозно зарычал. Самочка остановилась. Остановились и люди.

Вожак, словно усмехнувшись, оскалился и плавно вышел на несколько шагов вперёд. Волчица заскулив, двинулась за ним. Вожак вновь рыкнул, та остановилась. Остальные стояли молча, не шевелясь.

Мишка, сам став похожим на волка, тоже ухмыльнулся:

– Боя хочешь? Авторитет подтвердить? Ну что ж.

Сбросил с плеч полушубок, вышел на несколько метров. Стояла тишина, нарушаемая лишь треском факелов.

Несколько секунд ничего не происходило. Вдруг, вожак прыгнул вперёд. Вновь взвился в воздух, инстинктивно делая упреждение, предвидя что враг подастся назад. Но враг сам рванулся навстречу, присел, и вонзил в пролетающее над головой поджарое тело нож. На землю упал уже практически труп, с разрезанной от глотки до паха брюшиной.

Четыре серые тени мгновенно соскочили с дороги, и исчезли в уже начинающейся позёмке. Лишь молоденькая волчица, даже не зарычав, а как-то всхлипнув, напала на убийцу своего любимого.

Человек, ещё не отошедший от боевого ража, подставил ей под укус левую руку, и вонзил в сердце клинок. Бережно уложил труп рядом с вожаком, опустил на колени и затих.

Подскочивший Тимур затормозил Мишку за плечо:

– Миш! Миш! Ты как?!

Мишка поднял голову, из глаз катились слёзы:

– Девочку жалко. Она любила его. Смотри. – Он завернул левый рукав свитера, на руке был виден слабый след укуса. – Она даже не пыталась руку грызть. Прыгнула, чтоб умереть вместе с ним.

Добравшись до базы, Мишка с Тимуром завели один из бульдозеров, и ещё пока не сильно разбушевалась метель, вытащили ГАЗ-66 из оврага, и нашли утеранный паук.

Сейсморазведка

Мишка колдовал над стендом, закрепив на нём датчик ускорения.

– Блин. Достали эти датчики. Вроде и эпоксидкой платы залиты, крышка самого датчика через резиновую прокладку ставится и затягивается, но всё равно весной и осенью влага в них попадает, и двадцатидвухтонные установки, как лягушки скакать начинают.

– Миш, ты опять бездельничаешь?! – Произнесла козлобородая, очкастая, голова начальника партии, просунувшись в открытое окно.

– Рисковый, ты всё же мужик, Серёга.

– Чёй-то?! А! Да! Я такой! – Ослабилась в улыбке голова начальника.

– Я ведь человек нервный, санаториями-профилакториями не избалованный, могу на источник неожиданного крика и датчиком швырнуть. А он полтора кило весит. Кстати, если уж пришёл. Ты приказ нацарапал уже? На сколько на этот раз меня нагрел?

– Сволочь. Я к нему по делу, а он членовредительством угрожает. Какой приказ? Никакого приказа не писал.

– А что, начальник отряда тебе ещё не жаловался?

– Нет. Утром забегал, йода с бинтами попросил. Харю в сторону отворачивал, но не жаловался.

– Хм. Может дошло наконец-то, до скудоумного.

– А чё было-то?

– Да обидно стало, придурку этому, что когда он утром по базе скачет как ошалелый, я в это время, самые сладкие сны досматриваю. Ну и несколько дней подряд будил он меня в семь часов. Пинком дверь распахнёт, и орёт диким голосом, – «Подъём!!!». Я его два раза предупредил, на третий раз популярно разъяснил, чем чревато его неуважение к моим физиологическим потребностям. Ну а сегодня он только пасть раззявил, чтоб заорать, ему в тыкву коробка с крепежом прилетела.

– Хе! Плюнь на него. Будет выёживаться, я его самого всего полишаю, за сожженные фрикционы у танкетки.

– Ох ты!!! Эта паскуда, ещё и ГТСку¹ угробил???!!! Ну всё! За поруганную честь нашей «ласточки», мстя будет ужасной!

– Так. Остынь. Ремонтируют уже. Краше новой будет. Ты давай заканчивай хернёй маяться, пошли со мной, дело есть.

– Некогда мне. Запаса по ТЭЗам² не осталось, а датчик, так вообще последний исправный остался.

– Миш, ненадолго. На выходные скоро ехать, так я хочу свинью завалить, чтоб с мясом люди домой поехали. Да и сами шашлычок сварганим. Зарежешь, и свободен. Разделявать есть кому.

– Стоп. Забудь. Для таких дел у тебя Жора есть, это его амплуа.

– Улетел в контору Жора, за запчастями.

– Топотряд³ ещё на профиль не уехал, там мужики деревенские, махом животину завалят и освежают.

– О! Точно! Пойду отловлю, пока не свинтили.

¹ ГТС – Аббревиатура от – Гусеничный Транспортёр Снего-болотоходный.

² ТЭЗ – Аббревиатура от – Типовой Элемент Замены, функциональные печатные платы, снабжённые разъёмами для быстрой замены

³ Топотряд – сокращённо, – топографический отряд.

Мишка разобрал очередной датчик, и разложил его на полочке, над батареей отопления, для просушки.

– Ну теперь и с ТЭЗами повозиться можно. Опять сезонные неисправности полезли. Весной от перегрева ТТЛки⁴ вылетают, а осенью ПЗУшки⁵ менять приходится. Каждый год одно и то же.

Прерывая Мишкины мысли, раскатисто бухнул выстрел, пару секунд спустя, – второй.

– Бля. Гладкоствол. С какого направления? – Заметались мысли. – Тьфу. Расслабься. Но что за пальба, надо выяснить.

Со стороны, откуда прозвучали выстрелы, нёсся пронзительный визг. Выйдя из-за вагонов, перед Мишкиным взором предстала эпическая картина: По загону, сколоченному из жердей, с визгом, переходящим в ультразвук, носилась кругами свинья. За ней, утопая по щиколотку в свином навозе, бегал двухметровый детина с дрыном в руках. Детинушка, периодически бил дубиной по свинье, и орал:

– Ах ты ж падлюка!!! Один хрен добыю!!! Серёга! Тащи кувалду из «шишиги»⁶, бей её в лобешник!!!

Серёга стоял с внешней стороны ограды с двустволкой в руках, и недоумённо поглядывал, то на ружьё, то на циклически пробегающих мимо него зверей.

Мишка подошёл к начальнику, вынул из пачки «Примы» сигарету, закурил.

– 20й калибр? – Спросил Мишка, взглядом указывая на ружьё.

– Ага. – Заторможенно ответил Серёга.

– И патроны небось с дробью?

– Ага. С крупной.

– Жаль.

– Чего жаль?

– Что ты мой начальник, и по возрасту старше. Уши бы выдрал.

«Звери» между тем, с визгом и матом заходили на очередной круг.

– Чёй-то утомило меня это родео. – Сказал Мишка, и пинком отправил обломок доски, в ноги «ковбою» пробегающему мимо них.

«Ковбой» на полном ходу запнувшись о палку, упал пропахав мордой слой свиного дерьма.

– Сергей, там в бане вода тёплая ещё осталась, отправь дебила этого отмываться.

Мишка закурил снова. Неудачливый ковбой поплёлся в баню. Очнулся от ступора начальник.

– А чё с поросёй теперь делать? Ветеринара что ль вызвать?

– Ну да. В госпиталь её отправь. А после, – в психоневрологический профилакторий, потому как от вас двоих садистов, у неё теперь нервный срыв будет.

– ???!!!

– Что тарачишься? Добивать надо. В сердце теперь никак, – не подпустит. Придётся глотку резать.

– А сможешь?

– Нож давай. Сейчас она немного успокоится, ты её в мою сторону потихоньку гони. И ещё. Если упаду, – с тебя новая энцефалитка.

Дав свинке немного успокоиться, Мишка залез на верхнюю жердину забора, приготовился. Серёга погнал животное в его сторону. Мишка, дождавшись когда свинья поравняется с ним, прыгнул с ограды, и ещё в полёте вонзил нож в шею, чуть ниже хребта. Нож вошёл

⁴ ТТЛ – Аббревиатура от, – Транзисторно-Транзисторная Логика, цифровые микросхемы.

⁵ ПЗУ – Аббревиатура от, – Постоянное Запоминающее Устройство.

⁶ Шишига – жаргонное, – автомобиль ГАЗ-66

заточкой вниз, и Мишка падая, просто нажал на клинок. Свинья упала, дёргая копытами, с почти отрезанной головой.

В вагоне начальника, Мишка попросил:

– Серёг, спирту стакан плесни.

– Нафига спирт-то? Коньяк есть. Подожди малёха, щас мужики свинку разделают, мы с тобой печёнки нажарим, я тебе бутылку и выставлю.

– Там видно будет. Щас налей.

Серёга открыл сейф, вынул банку с медицинским спиртом, налил в стакан. Поставил стакан на стол, сам метнулся к холодильнику.

– Сейчас, я закуски настругаю.

Обернувшись, успел увидеть, как Мишка, трясущейся рукой подносит ко рту стакан, и как он медленными, большими глотками пьёт спирт.

– Мишань! Ну ты чего! Без закуски, и не разбавил! Что это колбасит-то тебя так?

– Да ладно. Проехали уже. Отпустило.

– Миша. Это не свинку, а тебя к психоневрологу отправлять надо.

– Отстань. Расскажи лучше, с чего это вы пальбу устроили?

– Дык. А чё? Ты отказался. Топотряд я перехватить не успел, свинтили уже. У ГТСки два водилы крутятся, ну я и попросил их. Один тоже отказался, а второй заявляет:

– А чё её резать? Щас я её из ружья завалю.

– Я же у него спросил ещё, – А сможешь? – А чё мочь-то, я кабанов с одного выстрела валил. – Паразит, бля.

– Серёг, ну ты как дитё. Сам же охотишься иногда, должен был хотя бы байки охотничьи про кабанов слышать. В башку стрелять что свинье, что дикому её родственнику, – бесполезно. Череп у них, как лобовая броня у танка устроен. В смысле не по толщине. А по наклону костей. Его даже из калаша не всегда пробьёшь, в рикошет пули уходят. Под лопатку стрелять нужно, – пулей. А вы с дробью, на бедную свинку.

В это время в двери постучали. И в неё вошёл незадачливый «истребитель кабанов».

– А ружжо моё где? Я поеду домой, шмотки сменяю, уж больно духан от меня сильный.

Мишка поднялся. Прихватил из угла двустволку.

– Пойдём милок, выйдем. Поговорить мне с тобой надобно.

Вышли. Мишка продолжил:

– Помнишь, парниша, месяц назад, я на профиль выезжал рабочим, потому как народу не хватало?

– Гы! Помню. А чё?

– А как ты в меня из своего пугача целился, тоже помнишь?

– Гы! Помню! Шутковал я тогда, а ты испугался! – Ощерился в издевательской ухмылке детина.

– Верно. Пугливый я. У меня тонкая душевная организация, и она очень не любит, когда в её сторону ружьями тычут. Ну если у тебя такая хорошая память, то и что я тебе тогда пообещал, ты тоже помнить должен.

– Гы! Помню. Ружжо моё, вдругорядь, ты грозился отобрать! – Заржал детинушка.

– Ну не только отобрать, а и обломать его о твою тупую тыкву. По башке бить не буду, время ещё рабочее. А в остальном, – не обессудь.

После этих слов, Мишка с размаху, разбил приклад ружья о ствол сосны, росшей рядом с вагоном. Дитина взревел, и в богатырском замахе, пудовым кулачищем, попытался ударить Мишку. Тот приседом ушёл от удара, и не вставая, всадил стволы в довольно объёмистое брюхо своего противника. Дитина сложился пополам, надсадно кашляя и перхая. Мишка спокойно ударил несколько раз остатками ружья об ствол, выкинул их в лес, и вернулся в вагон.

– Мишань, что-то уж очень жёстко ты с ним. За что ты его так?

– Ты же слышал. Ты тогда со мной практикантов на профиль отправил, ну этому муделю и захотелось перед девчонками своим ружьишком похвастаться. Собираю я спокойно «паук»⁷, поворачиваюсь, а метров с пяти, мне в брюхо два ствола смотрят. Дальше уже на рефлексках. Прыжком ушёл с директрисы, на лету нож вырвал, и уже почти метнул. Едва очухаться успел, остановил бросок. То, что это мудило, должен был уже валяться с ножом в глазнице, хрипя и дёргая ногами в агонии, конечно никто не понял. А вот как ссыкливый Мишаня, сиганул в заросли ежевики от незаряженного ружья, оценили все. Долго хохотали. А я четыре дня с исцарапанной рожей ходил, пока царапины не сошли.

Серёга отвернулся к сейфу едва сдерживая хохот, сделал вид что что-то в нём ищет. Затем внезапно присмирнел и обернулся. Задумчиво глядя на Мишку, сказал:

– В окошко к тебе, я больше не буду заглядывать. Нафиг.

К этому времени, мужики свинку уже разделали, и самые лакомые кусочки принесли начальнику. Серёга, заставив Мишку строгать салатик, сам принялся жарить свежатинку. Вскоре, на аппетитный запах, приползли замначальника по хозяйству и начальник топотряда. На одном столе накрыли поляну, а за другим, уселись расписать «пулечку».

Завязались неторопливые разговоры под коньячок, вспоминали общих знакомых, рассказывали всякие геологические байки. Серёга вдруг, будто что-то вспомнив, спросил:

– Миш. Весь день хотел спросить тебя. Ты как-то свинью необычно зарезал, это ты специально так, или случайно получилось? Чудно как-то. Раз, – и голова на одном позвончике висит.

– Так если бы я твоим мачете, по обычному, стал бы ей горло перепиливать, сколько бы она меня по говну успела протащить? А так, всаживаешь клинок в шею рядом с позвончиком, режущей кромкой наружу, и одним движением от себя перерезаешь. Этот удар я у одного боевого пловца подсмотрел. Немного переработал, для сухопутного использования. Ну вот ты в фильмах смотрел, как часовых снимают?

– Смотрел конечно.

– Ерунда это всё. Если в сердце бить, то человек ещё больше минуты живёт. Может заорать, захрипеть. Если ты ему рот зажмёшь, так он за эту минуту, тебе ладонь, в мочалку изгрызёт. Если глотку перепиливать как в кино показывают, то под лезвие может воротник попасть, ремень от каски, да и просто перерезать гортань, трахею и пищевод довольно проблематично. А так, хватаешь сзади левой рукой, всаживаешь нож в основание челюсти, и одним движением рассекаешь, часовой даже захрипеть не успевает, сразу и гортань и голосовые связки перерезаются.

Мишка прервался, увидев отвисшие челюсти начальства.

– Ну это я так, чисто теоретически. Почитал анатомию, применил знания физики. Вообще, что-то мне коньяк в голову ударил. Разболтался, расфантажировался. Пойду я спать.

⁷ Паук – жаргонное, несколько сейсмических датчиков, соединённых проводом.

Ми-8

Взревели вертолётные двигатели, лопасти завращались набирая обороты, засвистели выходя на рабочий режим. За иллюминатором стала медленно удаляться расчищенная площадка по которой метались снежные вихри поднятые винтами. На подъёме привычно заложило уши от перепада давления, он «продулся» выравнивая давление в носовых пазухах и ушах с окружающим. Поднял воротник «климатички», и стал погружаться в полудремотное состояние, когда в голове начинают мелькать обрывки каких-то мыслей, какие-то образы, вырванные и из прошлого и из настоящего, а часто и вообще не имеющие отношения к реальности. Уйти полностью в «нирвану» помешало подёргивание за рукав. Он приоткрыл глаза. Перед ним стоял молодой парнишка, отработавший лишь одну вахту. Парень что-то орал, пытаясь перекричать рёв и свист тысячесильных турбин, одновременно дёргая его за рукав, и тыча пальцем ему за спину. «А! Это он к иллюминатору хочет. Не надоело ему ещё забортным пейзажем любоваться. А я как-раз к окошку и притулился». Он отодвинулся, давая место любопытному пареньку. Перед тем как вновь провалиться в полубеспамятство, окинул взглядом пассажиров МИ-8го, подумал усмехнувшись: «Разные люди, разного возраста, мировоззрения и жизненного опыта. А поведение в нестандартных ситуациях всего лишь на несколько вариантов разделяется. Вот один всё в своём бауле ковыряется. Закончив с баулом, начнёт карманы свои проверять, пуговицу крутить. Другой слишком оживлён, что-то рассказывает соседу, энергично размахивая руками, заведомо понимая что тот его не слышит. Третий делает вид что читает книгу. Какое чтение при такой вибрации?! Некоторые, как и он сам, дремлют, или делают вид что дремлют, прикрыв веки». Шум двигателя стал расплываться отходя на второй план. А в голове стала проявляться картинка, становясь всё более чёткой и реальной...

Он сидел как и обычно у второго иллюминатора от двери, по левому борту. Под бортом проплывали горные вершины Памира, расцвеченные в розовые и красные тона восходящим солнцем. А между вершинами прятались ущелья, затянутые туманом и облаками. Это сейчас, пока не пересекли границу, вертушка плавно летела высоко над горами, лишь только некоторые, самые высокие пики, высились на уровне иллюминаторов. А после границы, вертолёт резко снизится, и будет петлять по ущельям, почти цепляя колёсами шасси зелёнку, ютящуюся по берегам горных речушек. К тому времени, окончательно взошедшее светило, разгонит из ущелий косматые клочья тумана, и мимо обоих бортов будут проноситься мрачные серо-коричневые стены каньонов. Пока ещё было время расслабиться. Его шею щекотали солнечные лучи, освещающие ребят сидящих напротив. Сидящий напротив пулемётчик, как всегда что-то перекаладывал в своём РД. ПКМ с пристёгнутой «банкой» ему здорово мешал отвлекаться от ожидания. Хотя из-за шума двигателя было не слышно слов, но судя по выразительной артикуляции губ, пулемётчик поминает всех родственников своего пулемёта, родственников конструктора этого пулемёта, ну и конечно всех тех, кто поднял его в пять часов утра, усадил его в эту гремющую консервную банку, и отправил его чёрт те куда. Сейчас можно. Можно и в Бога, и в чёрта и в душу. И Брежнева с Косыгиным. И партию с правительством. И отдельно Устинова в компании с генеральным штабом. Сейчас можно всё.

Чуть правее пулемётчика сидит штатный снайпер. На лице как всегда ни единой эмоции. Между колен зажата его безотказная «Светка», винтовка СВДС, а в руках кубик Рубика, который снайпер пытается собрать. Игрушку эту он в прошлой командировке подобрал, в одном из домов «зачищенного» кишлака. В комнате бился в агонии душман, по углам валялось ещё несколько трупов разорванных гранатными осколками, на полу лужа крови, а в этой луже лежал кубик, выделяясь яркими цветными квадратиками на фоне бурой жижи. Когда вернулись на базу, штабисты устроили шмон в вещах группы, и один из «штабнюков», заметив этот кубик начал толкать речугу про «тлетворное влияние запада», и попытался кубик забрать.

Снайпер ни слова не сказал. Он только взглянул на «штабнюка». Взглянул так, как он смотрел в прицел своей «Светки», выцеливая очередного духа. «Штабнюк» поперхнулся словами, положил кубик на место, и молча исчез.

Ещё правее расположился штатный «маркони». Этот, когда был чем-то взволнован, постоянно что-то жевал. Вот и сейчас он грыз сухарь. Рассказывали что однажды группа не смогла штатно эвакуироваться, и пришлось больше недели переть по Гиндукушу к запасной точке. Сухпай закончился, жевать стало нечего. Тогда «маркони» отрезал кусок тренчика (брезентовый ремешок) и грыз его, до самого прибытия на базу.

Дальше двое ребят играли в «камень, ножницы, бумага». Не просто так играли – на интерес. Один был в явной «прибыли», возле его пачки «Опала», лежащей на лавке, лежала кучка сигарет из похудевшей пачки «Явы» его противника. Проигрывающий огорчённо махнул рукой, что-то оживлённо говоря, видимо обвиняя товарища в шулерстве. Тот в ответ белозубо смеялся. Если всё пройдёт удачно, то обоим сигарет хватит. Если задержаться придётся, то всяко делиться будут, а последние сигареты на двоих-троих будут тянуть. Ну а может так случиться, что этот «выигрыш» последним подарком станет.

Вертолёт резко снизился, начал маневрировать по ущельям, иногда перескакивая из одного в другое через перевалы. Словно в ответ на манёвры винтокрылой машины в голове появилась музыкальная тема из песни «Арлекино», затем и слова начали слышаться. Но пока только одного куплета:

По острым иглам яркого огня
Бегу, бегу – дорогам нет конца.
Огромный мир замкнулся для меня
В арены круг и маску без лица.

С приближением к точке выброски эти слова, звучащие снова и снова становились всё громче. Вот вертолёт снизился, почти касаясь колёсами каменистого грунта, бортмеханик быстро откатил дверь, и ребята начали выпрыгивать, откатываясь по сторонам и занимая позиции. Вот и его очередь. Песня в голове вдруг зазвучала оглушительно, забивая рёв вертолётных турбин. Но уже другой куплет:

Ах, Арлекино, Арлекино,
Нужно быть смешным для всех.
Арлекино, Арлекино,
Есть одна награда – смех!

Выпрыгнул, спружинив ногами и упав на бок. Откатился в сторону за валун, щёлкнул предохранителем и внимательно осмотрел свой сектор. Вертолёт улетел на базу. Стихла и песня в голове, уйдя куда-то на задний план...

Очнулся. Шею, которую в воспоминаниях только что шекотало солнце, покусывала ледяная струйка от иллюминатора. «Чёрт, примерещится же!» Открыв глаза, вновь окинул взглядом товарищей, сидящих в брюхе вертолёта. Всё оставалось по-прежнему. Один закончил ковыряться в своей «мечте оккупанта», и теперь с философским видом теребил пуговицы полушубка. Другой, вынув из заглазника бутерброд, самоотверженно уничтожил его. «Всё хорошо. Вот только прилетаем поздно вато всегда. Автобусы рейсовые уже уходят к этому времени. Остальные в городе живут, вечером уже по домам будут. А мне до полуночи поезда ждать, потом в нём ещё 200 вёрст тилипаться. Дочка с сыном ждут уже небось».

Телефонный разговор

– Пап! Алло, пап!

– Слушаю сынок, слушаю. Как ты?

– Пап, мне не надолго телефон дали. Я быстренько. Вообще КМБ закончился, меня в учёбке оставили, миномётчиком буду.

– Хорошо сынок. Сержантом выйдешь. На какие миномёты учить будут? Если ротные, «подносы» 80ти миллиметровые, тяжело тебе придётся.

– Не, пап. Нам сказали что на какие то РЗЗО будут готовить.

– РСЗО, сынок. Понятно. Система какая? «Град», «Смерч», «Ураган»?

– Сказали что на «Град».

Голос сына как-то стушевался, отойдя на второй план, вместо него выплыли воспоминания...

– Вань, тебя командир кличет.

Раздался шёпот лежащего недалеко Серёги Козлова. Иван подполз к командиру, лежащему под валуном, на самом увале хребта. Внизу лежала котловина, окружённая с трёх сторон почти отвесными склонами. Только с одной стороны была долина, по которой бежала быстрая горная речушка, вдоль которой вилась дорога. Немного не посредине котловины раскинулся небольшой кишлак, домов на 30ть.

– Здесь Зейнур-шах. – Зашептал командир. – Всё как разведка доложила. С ним десяток нукеров. Выбирай себе позицию.

Иван внимательно осмотрел склоны через прицел СВД.

– Мне бы с той стороны подойти. Там весь гадюшник как на ладони будет, даже до дальних домов метров шестьсот всего.

– Хорошо. Успеете за день на позицию выйти?

– Успеем. С той стороны у них секретов нет, прогулочным шагом дойдём.

– Лады. Светает в 4.30, мы начнём в 5.00. Часы давай сверим.

Иван отполз к ребятам, подал знак. Серёга и Санька Семёнов сползли ниже по склону.

– Парни, обходим котловину, там садимся на позиции. Берём пару гранат к «шайтан-трубе» и пару банок к ПК.

Наступили предрассветные минуты, вдруг тишину нарушил резкий, шипящий свист. Через западный склон хребта стали перелетать десятки каких-то хвостатых комет. По параболе, с дикой скоростью они падали на кишлак, на то место где находились исходные основной группы, и на позицию снайперского расчёта.

– Бля! Под свои же «Грады» попали!!! – Заорал Серёга. По ушам Ивана как будто ударили кувалдой, он ослеп от ярчайшей вспышки, и провалился в бездонную пустоту...

– Пап, а на «Граде» этом как будет? Тоже тяжело? – Отец очнулся, вновь включился в разговор.

– Нет сынок, на них полегче будет, и сами установки самоходные, и снаряды таскать вручную не надо – ТЗМки есть.

– Ладно, пап, тут торопят уже. Привет всем передавай. Да, пап! А откуда ты всё знаешь??? – Отец замялся.

– Так... Это.. В википедии на днях вычитал. Ладно сынок, звони, пиши чаще. Мы все ждём тебя и переживаем.

Каждому своё

– Мля. Последний червонец дома остался. А до зарплаты две недели ещё. И занять не у кого. Хорошо сестра помогла детей в школу собрать, хрен бы сам смог одеть, обуть. Можно было бы ребятишек оставить, на севера опять махнул бы, но кому они нужны окромя меня? На самом деле, заказ что ли взять? Неделя работы, и дети весь год одеты, обуты и сыты... Если всё удачно, а если нет? Если грохнут, или проколешься и посадят? В детдом?

Мишка шёл на работу, погрузившись в безрадостные мысли.

После планёрки подошёл к мастеру за заявками.

– Миш, тут тебе заявка калымная нарисовалась, только просили ближе к вечеру подойти, часам к шести. Обрадовал его мастер.

– А адрес какой?

– Тебе по дороге домой. Сделаешь, и домой сразу.

Обрадованный Мишка весь день летал как на крыльях. Этот калым позволял протянуть ещё несколько дней, а там Бог даст, ещё подработки появятся...

...Дверь ему открыла молоденькая, лет двадцати четырёх девушка, одетая в коротенький цветастый халатик.

– Здравствуйте. Вы электрик?

– Добрый вечер. Да, он самый. Показывайте, что у Вас стряслось?

Пропустив его в дверь, хозяйка повела его в комнату, по пути мило щебеча:

– Вы знаете, мы недавно сделали ремонт, и работы по вашей части у нас много. И розетки поменять и люстры повесить. И ещё много всякого.

Квартира была большая, трёхкомнатная, правда с убранными перегородками. Судя по качеству ремонта, по роскошной кожаной мягкой мебели и огромной плазменной панели, люди здесь жили весьма небедные. В тькве у Мишки защёлкал арифмометр. По самым скромным прикидкам, денег вырученных с этого калыма, вполне должно было хватить до зарплаты...

...Увлечённый подсчётами, он почти не обращал внимания на продолжавшую щебетать хозяйку. А посмотреть очень даже было на что. Коротенький халатик позволял увидеть стройные, загорелые ножки. Вверху, благодаря незастёгнутой пуговке, очень аппетитно вырисовывались округлости. Да и личико было фигурке под стать, слегка монголоидные черты нисколько не портили общего впечатления. Из всего этого великолепия Мишка заметил только одно:

– Загар какой. Наверное только вернулась. Где там шас отдыхать модно? На Мальдивах? – Подумал он...

...Часов около восьми хозяйка, проявившая себя как весьма энергичная и неутомимая особа, весь вечер путавшаяся у Мишки в ногах, всячески стремившаяся чем-то помочь, и даже предложившая Мишку поддержать, когда тот вешал на кухне люстру, внезапно притихла и исчезла.

– Слава Богу, утомилась, голова уже от неё кругом. Да ещё и током её чуть не шарахнуло, когда я в щите автоматы менял, а ей взбрело «лишний» провод поправить. Едва успел руку перехватить. Вообще пора заканчивать, остальное доделаю завтра.

В это время, появилась хозяйка.

– Давайте наверное заканчивайте на сегодня. Кстати, как вас звать? А то как-то неудобно право слово, вечер провели вместе, а до сих пор не знакомы.

Произнесла она с улыбкой. Мишка хмыкнул, в ответ на её двусмысленность, и ответил нарочито по-крестьянски:

– Михайлом меня кличут.

– Ну вот и замечательно! А моё имя, – Ирина. Пойдёмте, помоете руки, и продолжим наше знакомство в более непринуждённой обстановке. Ведь вы наверняка голодны?! Я ни в коем случае не отпущу вас, пока вы не поужинаете!

Мишка прошёл в ванную, с твёрдым намерением от ужина отказаться.

– Сейчас в магазин зайти надо, что-нибудь вкусненькое ребятишкам купить. Давно уже не баловал ничем.

Размышлял он, моя руки. Прошёл на кухню, собираясь рассчитаться и попрощаться. На пороге остолбенел. Стол был уже накрыт. Но не количество и качество съестного поразили его. Посреди стола стояла бутылка очень хорошего коллекционного коньяка.

– Мля. А я ведь уже года четыре, ничего кроме плохонькой водки не пил. А после переезда не пил вообще. Мужики на работе самогонку жрут, а я её на дух не выношу. – С тоской подумал он.

– Проходите, Миша, присаживайтесь. Позвольте, на правах хозяйки, за вами поухаживать.

Усадив его за стол, Ирина продолжила щебетать:

– Миша вы пока займитесь мужским делом, откройте коньяк, а я на секундочку вас оставлю.

– Что ты расселся!!! Вали отсюда!!! Забирай деньги и вали!!!

Верещал внутренний голос. Но руки уже самопроизвольно тянулись к бутылке...

...Через несколько минут вернулась хозяйка. Приостановилась на несколько секунд на входе, прекрасно осознавая какой эффект она должна произвести. Вместо простенького домашнего халатика, на ней было облегающее вечернее платье тёмно-зелёного цвета, на ногах туфельки, на высоком каблукке, в тон платью. Гармонично дополняли наряд серьги и кольцо с камнями того же зелёного цвета...

Мишка, и без того чувствовавший себя не в своей тарелке, окончательно выпал в осадок. Он представил себя, на фоне этого воплощения шарма и женственности, в заношенной водолазке с растянутым воротом и застиранных, растянутых джинсах. Но одновременно пришла спасительная мысль:

– Видимо собралась куда-то, или в кабак или в гости. Ну и ладненько. Задача ясна, успеть максимально опорожнить бутылку и опустошить стол, пока не выгнали.

Ирина подошла к столу, передвинула стул, так чтобы Мишка мог видеть её целиком, села закинув ногу на ногу.

– Михаил, я надеюсь вы достаточно освоились? Теперь ваша очередь ухаживать за мной.

Мишка, поставивший перед собой цель, принялся за претворение её в жизнь, не обращая внимания на всякие мешающие факторы. Налил в хрустальные рюмки коньяк, навалил себе на тарелку всякой снеди, и подумав:

– Эх, мля, не так такой напиток употребляют! – приготовился опрокинуть в глотку рюмку...

– Михаил, вы куда то торопитесь?

Мишка, поперхнувшись, и остановив рюмку на полпути, ответил:

– Да я вроде уже нет. Это вы, насколько я понял, куда-то собрались? Боюсь задержать вас.

– Ну что вы Михаил, я на сегодня абсолютно свободна. Вас наверное смутил мой наряд? Я подумала что он вполне уместен, для более близкого нашего с вами знакомства. Но если я ошиблась, я немедленно вновь переоденусь.

– Да нет. Дело ваше. Я то что.

Мишка сел поудобнее, упрятал в ладонях рюмку, чтоб согрелась. Завёл спор с внутренним голосом. Тема была избитая, уже много раз обсуждавшаяся в глубине души.

– Сколько раз меня братки к себе звали. Сейчас бы так же жил, в роскошной хате, детишки нужды бы не знали, женщины вот такие были бы. «А ты не забыл, сколько тех братков

в живых и на свободе осталось? Уверен что в такой квартире жил бы, а не в камере на 16 человек, или в одноместной, на глубине двух метров? И дети по детдомам не болтались бы?».

– Михаил, вы о чём то задумались? – Ирина поднялась со стула, подошла почти вплотную. – Знаете, Михаил. Я хочу выпить с вами на брудершафт, и перейти на «ты».

Обалдевший Мишка, машинально согнул руку, она почти прижавшись к нему, пропустила свою. Выпив, мимолётно коснулась его губ своими...

– Теперь мы с тобой на «ты».

Совершенно выбитый из колеи, Мишка уткнулся в тарелку. Мысли роем закрутились в голове.

– Так. Куда-то я попадаю. Вопрос во что. Вариант «Красавица и чудовище» отпадает сразу. Видимо мадемуазель просто развлекается. Никого из своего круга общения под руку не попало, решила отточить свои чары на быдле. Что ж. Задача та же, – выпить и сожрать как можно больше, и слинять. При небольшом уточнении, – нужно включать быдливость.

Решил-сделал. Вальяжно развалился на стуле, демонстративно схватил вместо вилки, ложку и начал есть, противно прихрюкивая. Заморив червячка, налил в обе рюмки ещё коньяка, даже не чокнувшись, – опрокинул в пасть. Откинувшись на спинку стула спросил:

– А курить-то здесь можно?

– Да, Миша, пожалуйста. Всё что нужно, позади тебя на окне. И мне пожалуйста подай сигарету.

На окне обнаружилась пепельница, зажигалка, пачка сигарет «Кэмел» и пачка каких то тонких, женских. Мишка, внутренне ехидно ухмыльнувшись, вытащил сигарету «Кэмел», зацепил пепельницу с зажигалкой, вернулся к столу. Подал ей сигарету, с удовлетворением заметив, как она недовольно дёрнула уголком рта, вытащил из кармана мятую пачку «Примы», прикурил, и положил зажигалку на стол, не предложив ей. Уже в открытую ухмыльнулся, увидев как она недовольно нахмурила брови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.